

Борис Карлов

КАПИТАЛ

Пьеса в четырёх действиях

ДЕСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пчёлкин Алексей — инженер преуспевающей фирмы, работяга.

Пчёлкина Ольга — его жена, учительница.

Цукерман Давид Семёнович — антиквар, дальний родственник Пчёлкиной.

Белугин Борис Андреевич — депутат.

Истомина Мила — жена Дубова, нового русского бандита, потом вдова.

Шилов Владимир — друг детства Пчёлкина, художник, спившийся гений.

Санёк — друг детства Пчёлкина и Шилова, милиционер.

Карл Маркс — призрак.

Голос Розы Моисеевны.

В ЭПИЗОДАХ: Дубов (без слов), выпивший Поэт, выпивший Хулиган, официант(ка) в ресторане, продавщица в пивном павильоне, тени танцующих в ресторане.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ Квартира пчёлкиных

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Бессмысленный и тревожный сон Алексея Пчёлкина.

В пляске разноцветных огней, на звуковом фоне играющих одновременносех мелодий спектакля, появляются фантомы персонажей. Их монологи звучат на фонограмме с эффектом реверберации.

Фантом Милы Истоминой (одета в траур, восклицает, заламывая руки). Я люблю, люблю вас! Я люблю вас за то, что вы порядочный человек; за то, что вы чуткий и ласковый! Я люблю вас за то, что вы не похожи на тех ходячих мертвецов, которые повсюду меня окружают! Их всех! всех убьют, а вас не за что убивать, потому... потому, что вы душка! Вы — душка! Я люблю, люблю вас!..

Фантом Цукермана (хитро, потирая ладошки). Вещица, конечно, интересная. Однако где вы найдёте на неё покупателя здесь, в этой стране?.. В наше столь эксцентрическое и непредсказуемое время? В Великобритании сложившийся рынок антиквариата и устойчивая валюта: фунт стерлингов. Там, на солидном аукционе, ваша вещица потянет на очень, очень приличную сумму. Сумму, которая при разумном её вложении сможет обеспечить вас на всю жизнь. Однако я не могу гарантировать надёжное осуществление вывоза и сохранности предмета...

Фантом Белугина (довольно хамски). Мне нравится ваша жена. Оленька обладает чертовски соблазнительной фигурой. В особенности ноги и бёдра. Всякий раз при встрече я мысленно раздеваю её догола, нисколько не стесняясь вашего присутствия. Мои притязания на физическое обладание её телом будут бесстыдны и настойчивы. Как депутат, как народный избранник, я имею на это право. Обманным путём я попытаюсь лишить её не только чести, но и состояния. Потому что я не только избранник, но и удачливый коммерсант. В интересах избирателей я всегда делаю то, что мне приятно и выгодно. Да, да, особенно — приятно...

С последней фразой Белугина
всё стихает, свет гаснет.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Немного рассеянного света. Ольга вылезает из-под одеяла, идёт к окну, раздвигает шторы. В комнате становится светло.

Алексей (просыпаясь и закрываясь рукой от света). А!
Что такое?..

Ольга надевает халат, присаживается на край кровати.

Ольга. Опять твой мост рухнул? Дал Бог в мужья инженера, трудоголика. Хотя бы в первый день отпуска можно не думать о работе?

Алексей. Нет, не то, так, сумбур вместо музыки...
Но этот... какой мерзавец!

Ольга. Кто?

Алексей. Уже никто.

Ольга. Пчёлкин, напомни, какой сегодня день?

Алексей. Кажется, воскресенье. Шестнадцатое августа.
Ага... Теперь понимаю. Но... Десять лет! Уже!
Этого не может быть.

Ольга. Всё, что ты скажешь?

Алексей пытается обнять супругу, она уворачивается и встаёт.

Ольга. Пчёлкин, ты, конечно, сволочь, но ты не переживай, я всё придумала. У нас будут гости.

Алексей. Гости? Это что такое?

Ольга. Это люди, которые общаются с тобой не на работе.

Алексей. И так бывает?

Ольга. Допустим, бывает.

Алексей. Кто же эти гости?

Ольга. Ну, например, ты знаешь, кто теперь Борис Андреевич, наш бывший сосед по нашей бывшей даче?

Алексей. Белугин? Да ведь это он... Терпеть его не могу.

Ольга. Ты просто ревнуешь, потому что он пытался за мной ухаживать. А я, между прочим, не давала тебе для этого ни малейшего повода.

Алексей. Интересно, на какие деньги государственный служащий отгрохал себе дворец? Трудом пра-ведным не построишь палат каменных!

Ольга. Не завидуй.

Алексей. Ха-ха!

Ольга. Борис Андреевич теперь депутат и председатель какой-то там подкомиссии. Предлагал запросто обращаться, если будут проблемы.

Алексей. У меня нет проблем. А у него, судя по всему, скоро будут.

Ольга. Какой ты наивный!

Алексей. Лучше быть наивным и на свободе... Прекрати, оставим эту тему. Белугин, так Белугин. Пусть смотрит...

Ольга. Куда?

Алексей. На тебя.

Ольга. Пусть смотрит.

Алексей. Кто ещё?

Ольга. Кто ещё придёт? Придёт Давид Семёнович, ты его видел. Мой дальний родственник, что-то там такое по отцовской тётке. Но он любит, чтобы я его называла дядей. Старичок такой непростой, ювелир. Ты должен помнить, он мне на браслете новый замочек поставил, совсем бесплатно.

Алексей. Конечно, себе станинный оставил, а тебе новый всучил. Большой души человек. Как его фамилия — Неккерман?

Ольга. Цукерман. Давид Семёнович.

Алексей. И он твой родственник?

Ольга. Чего же тут удивительного?

Алексей. Хм... Да в общем-то ничего. После десяти лет брака было бы даже приятно чему-нибудь удивиться.

Ольга. Ты сбил меня с толку... Ах, да. Я попросила его посмотреть камешки и колечки — те, что в красивой шкатулке. Вдруг там есть что-нибудь особенное?

Алексей. Оля, не будь ребёнком. Ты ему ещё коробку с пуговицами покажи.

Ольга. При чём тут пуговицы?

Алексей. Совершенно не при чём.

Ольга. Нет, ты изdevаешься.

Алексей. С таким же успехом можешь показать мне свои драгоценности...

Ольга. Смотри.

Алексей. А я уже видел. Стекло, серебро, да позолота.

Ольга. Ну и катись.

Алексей. Ладно, не переживай, я на тебе не из-за денег женился. Кто там ещё придёт из богатых и знаменитых?

Ольга. Мила Истомина.

Алексей. А, эта, красивая, балерина...

Ольга. Балет она давно бросила. Она с мужем придёт.

Алексей. Вот тебе раз, а я губу раскатал. Муж тоже какой-нибудь полезный?

Ольга. Это вряд ли. Он, как бы это выразиться, новый русский.

Алексей. Значит — жмот.

Ольга. Вот этого я бы не сказала.

Алексей. Бандит что ли?

Ольга. Почему же сразу — бандит?

Алексей. Нет, не сразу. Сначала я сказал — жмот. Погодавляющее большинство новых русских делится на мелочных скупердяев и бандитов.

Ольга. Выходит, что у женщины с запросами невелик выбор.

Алексей. Нет. Ещё можно выйти замуж за честного. И потом десять лет копить деньги на квартиру.

Ольга. Какой ужас. (Обнимает мужа.)

Алексей. А ты смогла бы решиться на такую жертву?

Ольга. Только при одном условии.

Алексей. Каком?..

Ольга. Не скажу...

Свет гаснет.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Ольга сидит за столом, считает деньги.

Ольга. ...Двадцать девять пятьсот, двадцать девять шестьсот, двадцать девять семьсот, двадцать девять восемьсот, девятьсот... Есть. Пчёлкин, квартира наша. Как там её, эту нашу контору?..

Алексей. «Монолит-Гарант».

Ольга. Завтра отнесём последний взнос. Пусть подавятся.

Алексей. Схожу обменяю?..

Ольга. Нет, я тебе не дам, с ума сойду. Завтра, всё вместе.

Алексей. Даже не верится, что сможем тратить на себя обе зарплаты. Ты не знаешь, куда люди девают такую уйму денег?

Ольга. Напряги воображение, Пчёлкин.

Алексей напрягает воображение.

Ольга. Хорошо. Во-первых, у нас даже нет приличной мебели.

Алексей (озирается). Разве?..

Ольга. Я тебя уверяю.

Алексей. Допустим.

Ольга. Во-вторых...

Звонит телефон, Алексей снимает трубку.

Ольга сидит за столом, что-то пишет.

Алексей. Ага... Сколько? А что так мало?

Ольга. Если Вовка Шилов — ничего не давай.

Алексей (прикрывает трубку ладонью). Оля, он слышал.

Ольга. Переживёт.

Алексей. И это слышал?.. Оля, он не переживёт.

Ольга отмахивается.

Алексей. Слушай, ты, художник... гений непризнанный... Приходи вечером в гости.

Ольга поднимает голову,
Алексей показывает ей кулак.

Алексей. Вполне серьёзно. И выпивка и закуска. Да, есть повод. Можно без цветочков. Не пил. А сегодня выпью. Проверяй, я же тебя приглашаю. К шести. У меня к тебе только одно условие: раньше — ни капли. Что?.. Твоё слово давно ничего не стоит. Нет, не так, всё равно не верю. Поклянись... Босхом. Я понимаю, что святое... Не всуе, не всуе... Всё, теперь верю. Пока.

Вешает трубку, поворачивается к Ольге.

Алексей. Ни слова.

Ольга. Да пошёл ты... Вот, держи список. И топай по магазинам.

Алексей. У нас праздник?

Ольга. У нас праздник.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

Накрыт стол, играет негромкая музыка. Алексей ходит из стороны в сторону, смотрит на часы.

Алексей. Оля! Ты где?

Ольга. Не мешай, я на морду красоту навожу.

Алексей. Ты мне умытая больше нравишься.

Ольга. Не для тебя.

Алексей. Для Белугина?

Ольга. Нет. Для Володьки Шилова.

Алексей. А он этого тоже не любит.

Ольга. Катастрофа.

Алексей. Уже без десяти. Вдруг никто не придёт?

Ольга. Не паникуй, слабак!

Алексей. Тогда я всё равно, один начну. Оля, ты со мной пить будешь?

Ольга. Буду.

Звонок в дверь. Алексей убегает.

Возвращается с Шиловым и Ольгой.

Шилов одет небрежно, но смотрит гордо.

Шилов (прогуливается, демонстративно не обращая внимания на накрытый стол). Квартира приличная. Уже расплатились, судя по всему?

Алексей. Завтра последний взнос... Слушай, как же я рад тебя видеть!

Шилов. Особенно вид из окна хорош.

Ольга. На Маркизову лужу.

Шилов. Так бы сидел тут всю жизнь перед мольбертом и писал...

Ольга. Всю жизнь? Одно и то же?

Шилов. Природа... море — оно ведь подобно кокетке, меняющей свои наряды ежеминутно. Нет ещё такого художника, который смог бы отразить все её тончайшие грани даже в этом пейзаже — ограниченном оконной рамой.

Хозяева молча смотрят друг на друга,
Ольга выходит.

Алексей. Да ведь ты был на новоселье. Неужели не помнишь?

Шилов (отходит от окна). Не совсем... отчётливо.

Алексей. У меня есть фотографии — обхочочешься!

Шилов. Не надо. Слушай, Пчела...

Алексей. Ну?

Шилов. Я ведь своё слово сдержал.

Алексей. Ты чего, выпить хочешь?

Шилов от возмущения не находит слов.

Алексей. О чём речь, сейчас сделаю!

Открывает коньяк, наливает.

Шилов берёт дрожащей рукой, пьёт.

Появляется Ольга. Шилов, поперхнувшись, кашляет и отворачивается.

Ольга. Слушай, Шилов, единственное о чём я тебя сегодня прошу: при гостях веди себя прилично!

Алексей. Оля!

Шилов. При гостях?.. Я что-то не совсем понял.

Алексей. Оля! Это тоже наш гость!

Шилов. Извините, тут вышла какая-то ошибка. Не буду отягощать вас своим присутствием.

Шилов пытается уйти,
Алексей его удерживает.

Ольга. Ну надо же! Из пальца высосал себе истерику. Это ещё уметь надо. (Берёт Шилова обеими руками за воротник.) Если ты, Шилов, будешь представлять из меня гадину, я тебе выцарапаю глаза. Сядь!

Шилов садится на диван, Алексей наливает ему и себе, залпом выпивают. В дверь звонят, Ольга идёт в прихожую.

ПЯТАЯ СЦЕНА

В комнату заходят улыбающиеся Ольга и Цукерман.

Ольга. Познакомьтесь, это мой родственник... То есть, дядя, Давид Семёнович.

Цукерман приветливо пожимает мужчинам руки.
Прохаживается, поглядывая по сторонам.

Цукерман. Неплохо устроились, очень неплохо. Планировочка, вид из окна, удобства... Мебелишко надо вам подобрать. Есть на примете берёзовая спаленка и гостиная из дуба. Потолки, конечно, немножко давят, зато за окном — простор! В хорошую погоду на Финляндию без бинокля смотрите? А?.. Всё под старину, ручная работа. Цена вполне приемлемая.

Ольга. Ну нет, нам ещё не до этого. Завтра выплатим последний взнос в этот... как его...

Поворачивается к мужу.

Алексей. «Монолит-Гарант».

Ольга. Да... А после будет видно.

Цукерман. Да ведь я вас не тороплю, боже упаси! У вас и без того повод сегодня очень достойный. Всего каких-нибудь десять лет супружеской жизни, а уже совершенно твёрдо стоите на ногах. Вот, примите в знак уважения и симпатии...

Подносит коробочку.

Ольга (открывает). Ах, как мило! Дорогой Давид Семёнович, мне даже неловко, это царский подарок!

Ольга целует Цукермана в щёку.
Пчёлкин и Шилов заглядывают через плечо Ольги, снова садятся на диван, переглядываются и кривят физиономии. Опрокидывают по рюмке.

Цукерман. Не стоит, не стоит, дорогая. Это не золото и не брильянты.

Ольга становится перед зеркалом,
подносит брошку к плечу.

Ольга. Но серебро мне так к лицу!

Цукерман. А вы хотели мне что-то показать.

Ольга. Да-да! Очень хорошо, что вы сами напомнили.

Достаёт из ящика комода шкатулку,
ставит на комод и раскрывает. Пауза.

Становится тихо, свет гаснет, на Цукермана

сверкает молния, гремит гром. Пауза.

Снова всё по-прежнему, никто, кроме Цукермана,
ничего не заметил.

Ольга. Вот, взгляните. Тут ничего ценного, я знаю.
Но, может быть, найдётся что-то интересное
для специалиста, коллекционера... Давид Семёнович!
(Щёлкает пальцами у него перед глазами.)

Цукерман (вздрагивает, вставляет в глаз диоптрию,
склоняется над шкатулкой). Да-да, конечно...
(Рассеянно перебирает в руках колечки,
брошки и браслеты.) Да-да...

Звонят в дверь.

Цукерман (встревожено). Уберите, Олеся, уберите,
чтобы ничего не потерялось. Тут есть пара-
тройка интересных предметов. Приносите, нам
с вами есть о чём поговорить...

Ольга убирает шкатулку в ящик комода, бежит открывать. Пчёлкин что-то рассказывает Шилову, но тот смотрит в одну точку — а то место, где стояла шкатулка.

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Входят Мила Истомина и её муж.
Дубов молча пожимает руки мужчинам.
Мужчины расходятся,
дамы остаются в комнате вдвоём.

Ольга. Сколько же мы не виделись?

Мила. С тех пор, как я вышла замуж.

Ольга. Ты сильно похорошела за эти годы.

Присаживаются на диван.
Ольга держит Милу за обе руки.

Мила. Не благодаря — но вопреки! Диета, массаж, тренажёры, косметологи... Это совсем как в балете: непрерывная, изнурительная работа над собой. Что это такое? (Укоризненно берёт Ольгу за прядь волос.) Что это?.. Дорогая, ты себя не любишь! А если ты сама себя не любишь — то кто тебя полюбит?

Ольга. Ой, Мила... Вот то, что ты всё это сказала, — я бы, наверное, не смогла. Бывает, навалится столько работы, что, честное слово, не до тренажёров.

Мила. Ты думаешь — мне легко? Одиннадцатичасовой сон — это как минимум, ни минуты меньше! Джакузи, маникюр, педикюр, причёска, макияж, вождение, светские рауты — ты думаешь, это утомляет меньше твоей дурацкой работы?.. Я тебя умоляю. (Вставляет сигарету в длинныйmundштук, прикуривает.) Начни хотя бы с бассейна. По утрам бывает так приятно сбросить с себя сонную одурь.

Ольга. Ты знаешь, с сонной одурью у меня как-то... не всегда получается. Нет, нет, я не смогу.

Мила. А куда смотрит твой муж? Он ведь, кажется, неплохо зарабатывает. Неужели он такой эгоист и тиран?

Ольга. Совсем не то. Я могу теперь вообще не работать. У нас уже есть сумма для того, чтобы полностью расплатиться за кредит.

Мила. Бедняжка, чего же тебе это стоило...

Ольга. Утром — школа, вечером — репетиторство, ночью — тетрадки.

Мила. Но теперь-то, наконец, всё это позади?

Ольга. А теперь вот дядя, ну, то есть, Давид Семёнович, советует купить новую мебель.

Мила. И не думай! Пускай Пчёлкин зарабатывает тебе на мебель и на всё остальное. Никакая мебель не стоит красоты женщины. Как бы тебе не осться с мебелью и ещё какой-нибудь канарейкой. Размазня-женщина ничем не лучше, чем размазня-мужчина. А он, между прочим, у тебя заметно похорошел. Созрел что ли?..

Ольга. На чужой каравай рот не разевай. И твой со-зреет.

Мила. В этом я сильно сомневаюсь...

Ольга. Прости, я не рассышала?..

Мила. Так, ничего, просто у него очень опасная работа.

Ольга. А какая...

Мила (перебивает). Какая у него зарплата? Дорогуша, этого даже я не знаю.

Ольга. А как тебе вообще... твой муж? Отвечает он твоим мужским идеалам?

Мила вздыхает, распечатывает и сует в рот жевательную резинку, снова вздыхает.

Мила. Дорогуша, я скажу тебе откровенно. Мой муж далёк от каких бы то ни было вообще идеалов. (Приближается к собеседнице.) Он вообще что-то вроде неодушевлённого предмета. Однако (говорит в прежнем тоне), я сознательно иду на эту жертву. Брильянт должен находиться в дорогой оправе. И ради этого мы иной раз вынуждены терпеть и некоторые неудобства — как в моральном плане, так — увы — и в физическом...

Ольга (подносит руку к груди). О господи!

Мила. Однако при всём этом, скажу тебе строго конфиденциально (приближается к собеседнице) — за два неполных года этих самых... неудобств — я уже вполне сумела обеспечить себя на будущее. (С расстановкой.) И могу расстаться с мужем без сожалений.

Ольга. Ты думаешь о разводе?

Мила (горестно усмехаясь). По-итальянски.

Ольга. А это как?

Мила. Это когда муж убивает свою жену.

Ольга. О господи!..

Мила. Развода он мне не даст. Если только поможет случай...

Ольга. А какой...

Звонят в дверь, Ольга уходит открывать.
Мужчины стекаются в комнату.

СЕДЬМАЯ СЦЕНА

Ольга заходит с Белугиным.
У неё в руках букет цветов
и огромная коробка конфет.

Ольга. Ещё одну минуту! (Убегает.)

Цукерман подходит к Белугину,
протягивает визитку.

Цукерман. Позвольте представиться. Цукерман, Давид
Семёнович. Ювелирные изделия, антиквариат.
Если интересуетесь.

Белугин. Знакомство безусловно приятное. Но опасное.
Боюсь, что эта карточка не будет обойдена
вниманием моей супруги.

Смеются. Ольга приносит и ставит на стол блюдо.

Ольга. Прошу всех за стол!

Все рассаживаются.
Раскладывают еду, разливают напитки.

Алексей (Белугину). А где же ваша супруга?

Белугин (объясняет всем сразу). А ей, видите ли, пришла фантазия отправиться в круиз – по Средиземноморью. Да, знаете ли, такая вот неугомонная натура.

Алексей (мрачно). Не боитесь одну-то отпускать?

Белугин. Боюсь. Только тут уже ничего не поделаешь.
Женщину насильно не удержишь. (Подмигивает.)

Алексей. И любить насильно не заставишь. (Выпивает
один.)

Белугин смотрит на него удивлённо,
наливает ему ещё.

Белугин. Это когда же вы научились... (щёлкает пальцем
по подбородку) так лихо? Я ведь вас как непьющего
знал.

Алексей. Не волнуйтесь, Белугин, я в порядке.

Ольга. Алексей!

Мила. Какой вы смешной, совсем не умеете пить.

Цукерман. Ничего, он ещё молодой человек. Он ещё
всему научится.

Белугин. За очаровательных дам!

Алексей. Да! Выпьем!

Все чокаются, пьют.
До конца сцены все говорят одновременно.

Цукерман (Ольге). Какой у вас вкусный салат — вот этот, из крабов. Вы сами готовили? Рецепт, напишите рецепт!..

Ольга. Я ничего не готовила, всё покупное, из кулинарии. Нет-нет, мне хватит, зачем вы подливаете?..

Мила (Алексею). Инструктор мне кричит: «Налево! Налево!», а я вдруг забываю, где лево и где право и хочу надавить на тормоз, но вместо этого давлю на педаль газа...»

Белугин (Дубову). Обо всём можно договориться. Пришла новая инструкция о взимании арендной платы с нежилых фондов. Все эти суммы составляют заметную строку в городском бюджете. В центре города больше никаких льгот, никаких!.. Но кое-что, да, кое-что можно придумать, всё в наших силах и в ваших возможностях...

Алексей (Шилову). Художник ты или не художник? Если ты художник — удиви! Удиви меня, его... — весь мир! Если ты художник, создай мне такой шедевр, чтобы мир вздрогнул, чтобы мир — передёрнуло!..

Голоса, музыка, звон посуды — плавно затихают,
одновременно гаснет свет.

ВОСЬМАЯ СЦЕНА

Утро следующего дня.

Ольга встаёт, набрасывает халат,
плетётся к окну, раздвигает шторы.

Кровать заливает свет, но Алексей не реагирует.

Ольга включает радио — объявления,
реклама в конце часа. Делает тише,
садится на кровать.

Ольга (трясёт супруга за плечо). Пчёлкин... Вставай...
Уже понедельник...

Алексей (невнятно). У меня отпуск.

Ольга. Что за лепет.

Алексей (громче). У меня отпуск.

Ольга. Пчёлкин: вставай, нам надо обменять деньги и
платить за квартиру.

Алексей. Сколько?

Ольга. Четыре тысячи долларов.

Алексей. Почему так много?

Ольга. Квартира у нас хорошая. С видом на море.

Алексей. Это не море, это залив.

Ольга. Это лужа.

Алексей. Пиво есть?

Ольга. А тебе пива хочется?

Алексей. Да.

Ольга. А водки?

Алексей. Нет, не надо.

Ольга. А пиво — та же водка. Только много и с пузырьками.

Алексей. Хочу с пузырьками.

Ольга открывает бутылку минеральной.
Наливает себе в стакан, бутылку отдаёт мужу.

Ольга. Выпей минералочки.

Алексей жадно пьёт из горлышка.

Алексей. А вообще как... Всё в порядке?

Ольга. Нет, не всё в порядке.

Пауза.

Ольга. Ты дебош устроил. Ты хотел Белугину морду набить.

Алексей. Чепуха, этого не было, тебе приснилось.

Ольга. Нет было. Я помню, что мне снилось. Было, когда ты уже напился по-настоящему.

Алексей. За что?

Ольга. Естественно ни за что. Потому что я с ним танцевала.

Алексей. За это стоило. Ну и как, набил?

Ольга. Ещё чего.

Алексей. Растили?

Ольга. Он тебе сам руки скрутил.

Пауза.

Алексей. Здоровый... А Володька куда смотрел?

Ольга. А Володька уже никуда не смотрел. Она как голову опустил, так и просидел до конца. А локоть в тарелке с салатом.

Алексей. Вот свинья...

Пауза.

Сигналы точного времени, голос диктора.

Голос диктора. Московское время одиннадцать часов. Передаём последние известия. Главной новостью этого часа стал внезапный обвал рубля на валютном рынке. За первый час торгов курс американского доллара поднялся с шести рублей семидесяти копеек до тринадцати рублей сорока пяти копеек. По мнению экспертов падение рубля продолжится.

Ольга. Ты слышал?..

Алексей (садится на кровати, трёт лицо). Ну-ка, ну-ка, ещё раз...

Ольга. Рубль падает. Уже больше тринадцати...

Хватает калькулятор, считает.

Ольга (страшным голосом). Пчёлкин. У нас больше нет четырёх тысяч долларов.

Алексей. А... сколько?

Ольга. У нас и двух не набирается.

Пауза.

Звонит телефон, Ольга хватает трубку.

Ольга. Да. Да. Мы помним, мы как раз хотели сегодня...
Да. Нет. Половину можем. Что? А если по курсу Центробанка? Нет? Да, понятно, только доллары... Да, договор подписывали. Да, понимаем. То есть как... Как отберёте... А нас куда — на улицу? Наши проблемы?.. Но мы не отказываемся платить, только нужно... Сколько? Три дня?.. Мы не успеем за три дня! Погодите, погодите... Эй!..

Ольга опускает трубку.

Алексей. Это... кто... звонил?

Ольга. Этот... гарант.

Алексей. «Монолит-Гарант»?

Ольга. Он.

Алексей. И что?..

Ольга. Деньги требует.

Пауза.

Алексей. А у нас что-то не сходится.

Ольга. Не сходится... Хорошая у нас была квартира.

Алексей. Почему... была?

Ольга. Согласно договору.

Алексей. Погоди, погоди, надо подумать.

Ольга. Ну ты думай. А я пошла.

Алексей. Куда?

Ольга. Не бойся, пока ещё не на панель. К дяде. Он сказал, что там есть пара-тройка интересных вещей.

Алексей. Нет! Это он несерьёзно.

Ольга. В долг буду просить.

Алексей. Не даст.

Пауза.

Ольга. Слушай, Пчёлкин, а может, зря это всё?

Алексей. Что?

Ольга. Ну, капитализм. Тогда, в детстве, так хорошо было...

Алексей. Лимонад был вкуснее...

Ольга. Что?

Алексей. Лимонад. Помнишь, был такой — «Буратино»...

Ольга. Не помню. Родители рассказывали, что ни свою квартиру совсем даром получили.

Алексей. Так уж и даром. Всю жизнь горбатились за копейку. Читай политэкономию.

Ольга. Карла Маркса?

Алексей. Да хоть бы и Карла Маркса.

Ольга в задумчивости берёт со стола бутылку, наливает в стакан, выпивает.

Ольга (смотрит на бутылку). Что это?

Алексей. Где?

Ольга. Что это я сейчас выпила?

Алексей. Это?.. Это, наверное, со вчера осталось.

Ольга. Господи боже мой!..

Алексей. Ничего, это сухое вино.

Ольга. Наверное, умный человек был. За справедливость.

Алексей. Кто?

Ольга. Этот, Карл Маркс.

Алексей. О-о... Тебе хватит.

Ольга встаёт.

Постепенно, с началом её реплик, свет гаснет, а сама она высвечивается красным.

Ольга. Мир хижинам, война дворцам! Грабь награбленное!! Да здравствует — социальная — справедливость!!!

«Марсельезой» вступает
фонограмма «All You Need Is Love» Битлз.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Антикварная лавка Цукермана.
Хозяин за прилавком, стирает пыль
с выставленных на полках предметов.
Отступив на шаг, с уважением взирает
на бронзовый бюст Карла Маркса,
затем аккуратно протирает ему все неровности.
За стойкой служебное помещение, невидимое из зала.
Оттуда доносится супруги Давида Семёновича —
Розы Моисеевны.

Роза Моисеевна. Додик, откуда ты приволок в лавку
это чучело?

Цукерман. Роза, это не чучело, это чистейшей бронзы
основоположник. Я нашёл его в скопке цвет-
ного металла; он лежал гордый, словно
сфинкс, на куче обломков.

Роза Моисеевна (вздыхает). Основоположник... Это,
Додик, ты правильно его обозвал. Наложил он
всем довольно-таки прилично. Это правда, что
он был еврей?

Цукерман. Это правда.

Роза Моисеевна. Не говори никому.

Цукерман заканчивает наводить чистоту,
облокачивается о стойку, смотрит на телефон,
нервно постукивает по нему пальцами.

Роза Моисеевна. Тебе налить кофэ с сахаром или со
сливками?

Цукерман. Я совсем ничего не хочу, Розочка.

Роза Моисеевна. Тебя до такой степени волнует этот
Бенвенуто?

Цукерман. Розочка, меня это не волнует, меня это буквально
трясёт. Ведь она, в конце концов,
может занять у кого-нибудь денег или пойти
совсем в другую лавку...

Роза Моисеевна. Не говори глупостей. После того, что
стряслось сегодня на бирже, родной сын не даст
родному отцу на лекарства. Поверь, все буквально
вцепились в свои доллары и оцепенели.

Цукерман. Но ведь она может пересыпать свою бижутерию
в полиэтиленовый пакет и прийти ко мне с
полиэтиленовым пакетом. Роза! мне совсем не
нужен полиэтиленовый пакет!..

Роза Моисеевна. Прекрати истерику, будь мужчиной.

Из-за растворённой в подсобку двери
появляется её рука с чашкой.

Роза Моисеевна. Я положила тебе три ложечки, сахар успокаивает нервы.

Цукерман берёт чашку, пьёт.

Роза Моисеевна. Скажи мне лучше, что ты будешь делать, когда она придёт обратно и нахально потребует назад свою вещь?

Поперхнувшись, Цукерман кашляет.

Цукерман. Роза! зачем ты говоришь мне такое!

Роза Моисеевна. Затем, что иной раз тайное становится явным ещё здесь, при жизни! Если ты вовремя не опомнишься и не возьмёшь себя в руки, этот Бенвенуто отольётся тебе кровавыми слезами.

Цукерман. Но я никого не хочу обманывать! Разве я виноват, что у меня нет таких денег! Этот предмет стоит по каталогу сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Роза Моисеевна. Так не разевай пасть на то, что всё равно не пролезет!

Цукерман. Но она хочет всего каких-нибудь две-три тысячи.

Роза Моисеевна. Почему?

Цукерман. Я звонил её кредиторам.

Роза Моисеевна. Шпион!

Цукерман. В конце концов, если она вернётся назад за шкатулкой, она её получит.

Роза Моисеевна. И что ты собираешься ей всучить?

Цукерман достаёт из-за прилавка
и протягивает за дверь шкатулку, точно такую же,
как у Ольги Пчёлкиной. Пауза.

Роза Моисеевна. Да, это очень может быть. Это копия?

Цукерман. Нет, не копия. Просто похоже. Почисти, поработай с ней.

Роза Моисеевна. Это очень, очень может быть. Но как сумеешь продать оригинал, висельник? Ты же сам не попрёшься с ней в Англию на аукцион?

Цукерман. Нет, для такого дела нужно хорошо знать всю эту кухню. И непременно, непременно действовать через подставное лицо.

Роза Моисеевна. А это подставное лицо, как я всё-таки
надеюсь, облапошит тебя или, в случае малей-
шей опасности, сдаст со всеми потрохами.

Звонит телефон, Цукерман кидается к трубке.

Но сдерживается и, отвернувшись,
мучительно выдерживает два звонка.

Цукерман (беспечно). Алло. Да, конечно, Олењка, я
рад вас слышать. Нет, нет, что вы, почти не
отвлекаете. Какое дело! Я не хочу встре-
чаться с вами по делу! Ну хорошо, хорошо,
если обещал, значит жду.

Цукерман вешает трубку, вытирает лоб платком.

Роза Моисеевна. Хищный зверь.

Цукерман (в сильном волнении). Роза, она сейчас при-
едет...

Роза Моисеевна. Додик, держи себя в руках.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Звенит дверной колокольчик,
Ольга с испуганным видом заходит в лавку.

Цукерман (выходит навстречу из-за прилавка).
Оленька! Вы хорошеете буквально с каждым часом!

Целует Ольге руку, та смущённо отдергивает.

Ольга (потупившись). Давид Семёнович, вы помните наш вчерашний разговор?

Цукерман. Разумеется, Оленька, конечно. Так нельзя ставить Шекспира. Я не ретроград, вы знаете, но это уже чересчур...

Ольга. Нет!

Цукерман. А! Понимаю! О вашем умопомрачительном салате из крабов. Вы обещали, обещали написать рецепт!

Ольга. Нет же! Салат из магазина... не в этом дело.

Цукерман. Из магазина!.. Не верю, вы меня разыгрываете. А из ваших рук всё равно вкуснее!

Роза Моисеевна. Зверь, хищный зверь!

На всём протяжении пьесы голос Розы Моисеевны слышат только зрители, её супруг и призрак Карла Маркса.

Ольга (достаёт из сумочки шкатулку, протягивает). Вот... Я хочу продать. То, что вам понравится, или всё сразу. Мне срочно, очень срочно нужны деньги.

Цукерман. Оленька, дорогая, кому они не нужны срочно? (Берёт шкатулку.) Покажите мне человека, которому они нужны так, вообще, когда-нибудь... Философ Диоген жил в бочке и он утверждал, что деньги ему совсем не нужны. И знаете, я в это верю. Потому что Диогена придумали весёлые, умные, а, самое главное, очень зажиточные люди — иначе и быть не может! А вот этот товарищ (указывает на бюст Маркса) был реалистом, и он отлично понимал, что миром правят деньги и одни только деньги. Вы знаете, как называется его главная книга? Она называется «Капитал». И я думаю, что многое, очень многое в ней написано правильно, хотя, по правде говоря, я не имел удовольствия её читать.

Роза Моисеевна. Додик, перестань нести ахинею. Девочка

пришла к тебе не за этим. Отдай ей деньги, и пусть она отнесёт их в свою жульническую контору.

Цукерман. Хотите поменяемся? Я вам — отлитого из чистой бронзы основоположника, а вы мне — ваши сокровища. Ну, что же вы надулись, я пошутил.

Встаёт за стойку, вставляет в глаз диоптрию, перебирает содержимое шкатулки. Ольга смотрит на него с надеждой, теребя в руках платочек.

Цукерман (небрежно). Сколько вы хотите?

Ольга. Я не знаю, сколько это стоит... Мне нужно две тысячи долларов, чтобы рассчитаться за квартиру (говорит всё тише и неуверенней), но если здесь не хватает, то, может быть, вы сможете дать мне в долг на крайне ограниченный срок...

Цукерман (снимает диоптрию, смотрит на Ольгу). Олеся, дорогая, мне очень неприятно откладывать вам в таком сущем пустяке, но все мои личные сбережения вложены вот во всё это... (Обводит рукой экспонаты.) А ваши сокровища не стоят, к сожалению, и тысячи. Вот это стоит четыреста и вот это — около пятисот. Это их продажная цена. Столько они будут стоить у меня в витрине и я не буду иметь с этого ни копейки. Это всё, что я могу для вас сделать.

Ольга (почти плачет). А остальное?

Цукерман. Остальное — бижутерия, она совсем ничего не стоит.

Ольга (начинает плакать). Так что же мне делать?..

Цукерман. Ольга Петровна, вы разбиваете моё сердце. Так и быть, я дам вам за всё полную тысячу.

Отсчитывает под лампой деньги.

Ольга взволнованно лепечет благодарность, берёт деньги и выбегает. Возвращается, встаёт на цыпочки и через прилавок целует Цукермана в щёку.
Снова выбегает.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Цукерман и голос Розы Моисеевны.

Роза Моисеевна. Девочка готова наложить на себя руки. Почему ты не дал ей две тысячи, убийца?

Цукерман. За что, Розочка? Я и без того переплатил.

Роза Моисеевна. Додик, ты дурак. Если бы ты дал ей две, она бы рассчиталась с долгами и всё забыла. А теперь она придёт снова — и не одна, а с милиционером. (Жуёт.) Тебе дать овсяного печенья?

Цукерман. Розочка, зачем ты меня нервируешь! Ты ведь знаешь, что у меня больная селезёнка. Я не мог дать больше. Если бы я дал больше, по городу прошёл бы слух, что я сумасшедший, и кто-нибудь в конце концов догадался бы, что дело не в родственных чувствах. В любом случае она не сможет ничего доказать.

Роза Моисеевна. Додик, ты дурак дважды и ты не в Швейцарии. Здесь, в это время, никто и ничего не доказывает. Придут двое и засунут тебе кипятильник... в эту самую... Выпей воды, что с тобой... Ты хотя бы спросил, откуда у неё эта вещь?

Цукерман. Я не мог спросить, это выдало бы мой интерес. После второй мировой у людей ещё до сих пор много чего валяется в комодах, о ценности чего они не имеют ни малейшего понятия.

Роза Моисеевна. Как бы с тобой не разобрались — по понятиям. Уж лучше пускай она вернётся с милиционером.

Цукерман. Она не вернётся. Она не вернётся даже в том случае, если точно будет знать, что её надули. Такие люди не возвращаются в магазин даже если купленные ими туфли оказались меньше на два размера. Бедные, бедные люди...

Роза Моисеевна. Эти бедные имеют хорошую перспективу на то, что будет после. А тебя — припекут черти!

Цукерман. Роза! Ещё одно слово — и пропади оно все пропадом! Я верну ей эту шкатулку...

Звенит дверной колокольчик.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

В лавку заходит Белугин.

Белугин. Не ждали?

Цукерман (обернувшись к жене). Роза, этот государственный человек прибежал, чтобы всучить мне свои рубли, которыми уже завтра можно будет оклеивать сортиры. (Приветливо разводит руки.)

Роза Моисеевна. Додик, если бы ты обманул этого человека, тебе бы простили. Но этот человек сам облапошит тебя как ребёнка.

Цукерман. Борис Андреевич!..

Белугин. Да вот... Решил воспользоваться вашим любезным приглашением.

Белугина прохаживается, смотрит.
Останавливается перед бюстом Карла Маркса.

Цукерман. Хорош?

Белугин. Хорош.

Цукерман. Пуд чистой бронзы. Для вас, как для государственного человека, — фигура со смыслом.

Белугин. Не понимаю?

Цукерман. Заходит к вам в кабинет, допустим посетитель или даже большой начальник. Знаете, как это в казённых учреждениях, атмосфера натянутая... А тут сразу перед глазами — предмет для улыбки, для доброй шутки, так сказать... В вас видят неординарного человека, человека с фантазией. Атмосфера другая, контакт налаживается...

Белугин (смеётся). Ах, Давид Семёнович, как это у вас получается!.. Вы, кажется, любой товар можете представить с совершенно неожиданной стороны! Я подумаю.

Цукерман. Может быть, интересуетесь чем-либо конкретным?

Белугин. С вашего позволения, ещё осмотрюсь.

Цукерман. О!..

Белугин (осматривает полки). У.е., у.е., у.е... А в рубликах что-нибудь имеется?

Цукерман. Основоположника отдам за рубли.

Белугин. Не возьму, всё-таки не возьму, плохая примета. Если только тогда, когда дела пойдут совсем плохо. Минус на минус... А пока — нет, не возьму, разорит. Полмира разорил, а уж меня с моими скромными бизнесами... (Машет рукой.) Вы вот что, любезный Борис Семёнович, подберите мне сами, на свой вкус, булавку для галстука. Без излишеств, но чтобы можно было за одним столом и с сэром, и с пэром...

Цукерман наклоняет голову, понимающе улыбается.

Цукерман. Есть такая. Берёг. Знал, что придёт такой, который понимает.

Достаёт из-под прилавка и открывает коробочку.

Белугин (берёт булавку, разглядывает). Да... Да...

Цукерман. Да?

Белугин. Да...

Цукерман. Исключительно для вас — четыреста.

Белугин. Четыреста... четыреста... Итальянские лиры, финские марки, аргентинские крузейро?.. Шучу. Хорошо, беру, торговаться не буду.

Достаёт бумажник, расплачивается.

Цукерман. Позвольте в фирменную упаковочку... Присаживайтесь... Рюмочку вина?

Белугин (усаживается в кресло). Мерси, но только чуть-чуть, пригубить. Дела, знаете ли... Виза, паспорт, авиабилеты...

Чокаются крошечными ликёрными рюмочками.

Цукерман. Да-да-да-да-да, вспоминаю. Ведь вы на днях улетаете...

Белугин выпивает, но, ничего не почувствовав, удивлённо заглядывает в рюмочку.

Белугин. В Лондон.

Цукерман. В Лондон...

Белугин. Да... вот так, знаете ли...

Цукерман (что-то задумав). И вы туда летите...

Белугин. По делам, по делам. Отдых ещё не заработал.

Белугин делает движение, чтобы встать, но Цукерман, чтобы удержать его, наливает ещё вина.

Белугин выпивает и снова удивлённо заглядывает в рюмку.

Белугин. А вы тоже имеете какой-нибудь интерес в Лондоне?

Цукерман (прохаживается в волнении). Возможно, возможно...

Белугин некоторое время смотрит на него, прищурившись.

Белугин. Послушайте, мы деловые люди. Если ваш интерес в Лондоне может иметь взаимную выгоду... почему бы нам не помочь друг другу?

Роза Моисеевна. Додик, подойди сюда!

Цукерман. Одну минуту.

Заходит за дверь.

Из подсобки доносятся раздражённые голоса супругов. Белугин этого не слышит и наливает себе ещё вина.

Выпивает и сосредоточенно, подняв подбородок, причмокивает, пытаясь всё-таки разобрать вкус.

С возгласом «Я ему ещё ничего не обещал!» появляется Цукерман. В руках у него шкатулка.

Белугин. Вы что-то сказали?

Цукерман (с улыбкой присаживается рядом на стул). Господин Белугин...

Белугин. Да-да?

Цукерман. У меня есть ВЕШЬ.

Белугин (заинтересованно). Так...

Цукерман. Эта вещь — очень дорогая вещь. Её невозможно продать здесь, в России.

Белугин. Так...

Цукерман. Её приблизительная цена — сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Белугин. Так!

Цукерман. И я хочу продать эту вещь за настоящие деньги.

Белугин. Так-так-так! Надеюсь...

Цукерман. Разумеется. Прошлое абсолютно безупречно. Вещь была у моих родственников, теперь принадлежит лично мне.

Передаёт шкатулку в руки Белугина.
Тот внимательно разглядывает.

Белугин. С виду такая простенькая... Где-то я её уже видел... А вы уверены?..

Цукерман (перебивает). Сегодня же я подготовлю для вас подробную справку об этом предмете. (Забирает шкатулку.) Я также возьму на себя оформление документа, в котором будет указано, что шкатулка не представляет художественной ценности и может быть беспрепятственно вывезена за рубеж.

Белугин. Вы очень предусмотрительны, с вами приятно иметь дело. Однако, перейдём к главному. Моя доля.

Роза Моисеевна (неохотно). Додик, пускай он работает из половины.

Цукерман (удивлённо). Из половины.

Белугин (резко поднимаясь из кресла). По рукам.

Жмут руки.

Цукерман. Необходимые формальности, касаемые нашего письменного договора...

Белугин. Разумеется. Итак, завтра я у вас ровно в десять. Мы обсудим это дело во всех подробностях.

Цукерман провожает Белугина и возвращается.

Цукерман. Роза! Но почему только половину?!

Роза Моисеевна. Потому что если ты запросишь больше, эта сволочь отберёт у тебя всё. Из половины у тебя будет хотя бы шанс получить деньги и ты сможешь отдать их обворованной тобою девочке. Впрочем, я думаю, что с этой авантюры ты не будешь иметь ни одной копейки.

Цукерман. Ах, боже мой, боже мой!..

ПЯТАЯ СЦЕНА

Поздний вечер того же дня. Спальня Пчёлкиных.

Супруги, одетые в одинаковые пижамы,
лежат под одеялом перед негромко
работающим телевизором.

Ольга. Пчёлкин, ты Карла Маркса читал?

Алексей. Нет... в институте что-то конспектировал.

Ольга. Что?

Алексей. Что-то из «Капитала»... кажется. Ты вообще, Оля, ты это брось... Так недолго и правда... с ума сдвинуться. Не переживай, достанем мы где-нибудь эту тыщу.

Ольга. Нет, ничего, я не переживаю. Просто я его сегодня у дяди в лавке видела. Солидный такой мужчина...

Алексей. Кто?!

Ольга. Да этот, Карл...

Алексей приподнимается на локте и в упор смотрит на свою жену.

Ольга. Нет, ты не думай. Он не живой был, так, бронзовый...

Алексей (ложится). Оля, я тебя прошу, не пугай меня больше так.

Пауза.

Ольга. Ну и как, интересно?

Алексей. Что?

Ольга. Ну... «Капитал».

Алексей. Не знаю... Я ведь не читал — конспектировал. А вас разве не заставляли?

Ольга. Нет, у нас уже была перестройка. Мы что-то другое конспектировали. Это... «Ускорение и интенсификация»... тьфу, не выговорить.

Алексей. Слушай, а ты торговаться не пробовала со своим дядей?

Ольга. Нет, он и так больше предложил.

Алексей. Вот это и странно, что больше предложил.

Пауза.

Ольга. Борис Андреевич мог бы одолжить.

Алексей. Что? Белугин? Ни за что! Даже не думай. Я лучше... я лучше... Всё что угодно, только не к Белугину.

Молчат. В телевизионных новостях говорят о неконтролируемом падении рубля и грозящей гиперинфляции.

Ольга. Теперь за тысячу долларов можно, кажется, пол России купить.

Алексей. Ладно-ладно, не переживай. Завтра где-нибудь достанем. Давай спать, утро вечера мудренее.

Гасит телевизор.

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Сон Алексея Пчёлкина.
В кресле возле кровати сидит Карл Маркс.
У него на коленях огромный
бутафорский том «Капитала».
Слюнявя пальцы, он перелистывает страницы.
Освещена только его голова и книга.
Алексей садится на кровати, трясёт головой,
смотрит на него во все глаза.

Алексей. Ава... а...

Маркс поднимает голову, с пылью захлопывает книгу.

Карл Маркс. Гутен морген, Алексей Дмитриевич!

Производит мучительные гримасы и движения.
Берёт себя в руки.

Алексей. А что... уже морген?

Карл Маркс. Четвёртый час, светает.

Алексей. Так, всё в порядке. Это сон. Всё хорошо.

Начинает вести себя бесстрашно.
Встаёт, прохаживается вокруг кресла.

Ага! Призрак бродит по Европе! Что же это вы, батенька, так опозорились? «Учение Маркса верно, потому что оно верно...» или как там?.. Основоположник называется. Я вот вам сейчас всё, всё выскажу!

Карл Маркс откладывает книгу,
устраивается глубже в кресле,
подперев ладонью подбородок.
Готовится слушать.

Алексей. Ава... а...

Раскрывает рот, жестикулирует,
но от полноты чувств ничего не может сказать.

Тьфу! Не получается. Всё из головы вылетело!

Карл Маркс. Не огорчайтесь, Алексей Дмитриевич. Что такое в ваше время — тысяча долларов? Недельная оплата неквалифицированного рабочего в Североамериканских Штатах.

Алексей. Это у них — недельная. А у нас многим за всю жизнь столько не накопить. Вот вы книгу написали. Я её, по правде, не читал. Но если вы знаете — научите, как этот самый капитал приобрести. Но только мне необходимо в самый кратчайший срок!

Карл Маркс. Как это вы интересно рассуждаете. В кратчайший срок можно только отобрать. То, что другие заработали.

Алексей. Так вы про это, что ли, писали?!

Карл Маркс. Ну и про это тоже... писал когда-то. Молодой был, как вы. Не очень умный. Хотел, чтобы всё общее — и дома, и средства производства, и женщины, и юноши... кому что.

Алексей. Так вы сами, стало быть, капитала нажить не умеете?

Карл Маркс. Делить — могу. Наживать — не умею.

Алексей (нервничает). Так что же вы... Столько лет людям мозги компостировали! Люди вам поверили, наворотили тут, понимаешь...

Карл Маркс. Позвольте, я-то чем виноват? Мало ли ещё других людей записывают свои досужие мысли после сытного обеда? Глупости, конечно. Графоманство. Но вас же читать не заставляли?

Алексей ходит взад-вперёд,
в отчаянии жестикулирует.

Алексей. Да если бы... не ваше графоманство... У моего прадеда дом был в Саратове. Каменный. И сейчас стоит. А я, по вашей милости... супруга уже, кажется, заговаривается!

Карл Маркс. Кто же вашего прадеда из дома выгнал?

Алексей. Так ведь этот ваш... призрак коммунизма. То есть, уже не призрак, а когда материализовался в полной мере.

Карл Маркс. А-а... Он может. Я вам вот что скажу, молодой человек. Возьмите все эти мои сочинения — и в печку. Дом ваш вернуть не берусь, а квартирка при вас останется.

Алексей. Где же мы денег возьмем?

Карл Маркс. Денег? Деньги — тоже химера. Деньги вам нужны или квартира?

Алексей. Квартира... И деньги бы не помешали.

Карл Маркс (небрежно). Можно и деньги...

Поднимается из кресла. Теперь, когда он освещён, видно, что он одет в кожаную «косуху», кожаные штаны и «казаки». Волосы оказываются несколько длиннее, чем это принято изображать на портретах. На шее — наушники плейера. На груди — бандана с черепами. В руке — мотоциклетный шлем, стилизованный под фашистскую каску. По всему видно, что он — матёрый ночной байкер.

Алексей. Вот это номер!.. Вы, простите, кто теперь на самом деле — призрак коммунизма или рокер?

Карл Маркс. Призраки — они тоже рядом с людьми живут.

Алексей. Тогда, извините за любопытство... какая у вас музыка в наушниках?

Карл Маркс. Родная, отечественная.

Алексей. Моцарт? Бах? Бетховен?..

Карл Маркс. Отстой, хлам, нафталин! «Роммштайн» мне более всего по душе...

Громко врубает музыку.
Тряся головой и подпевая фонограмме,
удаляется, помахав Алексею на прощание рукой.
За сценой к музыке примешивается оглушительный
треск мотоцикла. В две секунды всё затихает,
свет гаснет.

СЕДЬМАЯ СЦЕНА

Утро. Пчёлкины завтракают.

Приглушённо работает радио; диктор говорит о продолжающемся падении рубля.

Ольга. Пчёлкин, ты почему не ешь?

Алексей. Так, не хочется. А ты почему?

Ольга. А я фигуру берегу.

Алексей. Теперь не надо. В коммуналке с упитанными боками — легче выжить.

Ольга. Ты тоже где-нибудь позанимайся. Ещё не известно, какие дебоширы попадутся.

Алексей. Я себе газовый пистолет куплю.

Ольга. Главное, сразу так себя поставить, что б боялись... ну, уважали. На кухне стол у окна занять. В ванную, в сортир — чтобы без очереди... (Плачет.)

Алексей (встаёт, прохаживается). Оля.

Ольга. Что...

Алексей. Звони Белугину, я согласен.

Ольга (перестаёт плакать). Правда?

Алексей. Правда, правда.

Ольга. Нет, правда, он поможет! Он сам предлагал обращаться, почему бы не обратиться, если человек сам предлагает?..

Алексей. Я же сказал — согласен. Звони, только не плачь.

Ольга. Ну, тогда я звоню?..

Снимает трубку, вытирает платочком нос,
нажимает кнопки.

Ольга (слегка дрожащим голосом, в нос). Борис Андреевич?
Здравствуйте, это я, Оля... Да, ничего, спасибо...
А вы как? Ага... Когда? Ага... Борис Андреевич, у вас тысяча долларов есть?.. То есть, в долг, конечно. То есть, в долг, конечно. Да, очень срочно. Хорошо, я подожду. (Закрыв трубку ладонью шепчет мужу: «Сейчас посмотрит!») Да-да, слушаю. В девятнадцать тридцать? Да-да, я всё поняла, я буду.

Медленно вешает трубку, вытирает платочком нос.

Ольга (тихо). Он постарается.

Алексей. Я с тобой поеду.

Ольга. Дурак ты, Пчёлкин. Хоть и Маркса конспектировал. Я же ему буду глазки строить!

Алексей (испуганно). Это зачем?

Ольга. Так ведь это не он у меня, а я у него просить буду.

Алексей. Погоди... Просить не надо. Если так не даст, просить не надо!

Ольга, глядясь на себя перед зеркалом,
пожимает плечами.

Алексей. А ты знаешь, как это называется?!

Ольга. Как?

Алексей. Ну, это... слово забыл... Ну, почти...
проституция.

Ольга. Консумация!

Алексей. Да...

Ольга. По-моему, ты, Пчёлкин, что-то немного путаешь.

Алексей. Ничего я не путаю. Я после этого... ты после этого...

Ольга. Этого — не будет.

Алексей. Чего... этого?

Ольга. А ты... про что?

Алексей. А ты... про что?

Испуганно смотрят друг на друга.

Ольга (оскорблённо). Пчёлкин, если ты мог такое про меня подумать...

Качает головой, утирает слёзы платочком.

Алексей. А я ничего такого не подумал. Только лучше будет, если я сам денег достану.

Ольга. Доставай! Ну? Что же ты не достаёшь? Где они у тебя? — в тумбочке?..

Алексей торопливо одевается.

Ольга. Ты куда?

Алексей. Не знаю. Убью кого-нибудь, ограблю, а денег достану. Не ходи никуда, понятно?..

Убегает.

Ольга вздыхает, раскрывает шкаф с зеркалом и,
под звуки завлекающей мелодии,
примеряет свои нехитрые туалеты —
один соблазнительнее другого...

ВОСЬМАЯ СЦЕНА

Там же. За окном темнеет.

Входит Алексей. С первого взгляда понятен результат его усилий. Он медленно подходит к холодильнику, достаёт открытую банку консервов, начинает жадно есть прямо на корточках.

Пьёт воду из горлышка бутылки.

Падает спиной на диван, смотрит в потолок.

Алексей. Уму не постижимо. И какие они милашки, когда от них ничего такого не надо! Свои в доску! А эти, сослуживцы... «Старик! Ты даже не представляешь, как я попал!..» Бизнесмен... Друг детства, выросли в одном дворе. «О чём речь, Пчела, бери, бери всё что есть, всё, что в кассе! Я сам давно хочу закрыть этот паршивый бутик и удавиться!..» Банкир. Армейский товарищ!.. «Видишь ли, Алексей, ввиду сложившейся конъюнктуры и стремительного роста процентных ставок, бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу...» А сам завтра же поедет на Канары швырять деньги направо и налево. Нет, нет, всё! Теперь и я буду таким. Пусть только кто-нибудь чего-нибудь попросит! Всё, всё через предоплату. Вам немножечко веры?.. надежды?.. Ах, вам только немножечко любви... А извольте-ка предоплату! Человек человеку — волк! Интересно, Белугин дал денег? А он ведь хуже всех этих, человек совершенно бессовестный. Конечно, женщинам легче просить... Женщинам вообще жить легче. А что если он... Что если она... ради того, чтобы... Нет, не может быть! И времени... (смотрит на часы) прошло слишком мало. Если через час не вернётся, позвоню ему и — пропадай всё пропадом!.. А если он выключил?.. Если вне зоны? Нет-нет! Тогда надо бежать, искать!..

Резко садится.

Где искать?.. Нет, не мог он выключить. Слишком деловой, чтобы так простовзять и выключить. (Обхватывает голову руками.) Что делать, что делать?..

Откидывается на спину.

Если бы кто-то другой, хоть чёрт лысый, предложил мне сейчас эту тысячу...

В то же мгновение ударяет гром,
сцена освещается красным.

Звонит телефон.

Алексей садится, испуганно таращит на него глаза.
Снимает трубку.

Алексей. Да?.. Кто? Мила?.. Нет, я один. Н-не знаю...
Кажется, ничего. Прямо сейчас? К вам?.. Ну,
хорошо... Секунду, записываю... (Лихорадочно
рвёт клочок бумаги, пишет.) Так... так... так...
Хорошо, договорились. Уже еду.

Вешает трубку. С сосредоточенным видом
начинает торопливо переодеваться.

Алексей. Не знаю... чего от меня надо... этой бандитской
семейке... Но это шанс. Очень, очень реально.
Как это они говорят... Конкретно! Интересно,
что сделать надо? Убить? А я на всё готов...

Убегает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Ольга и Белугин в ресторане.
Звуки настраивающегося оркестра.
Проходят к свободному столику.

Официант. Пожалуйста сюда, здесь будет удобно.

Выдвигает стул для Ольги,
оставляет карту Белугину, уходит.

Ольга (садится, сразу начинает торопливо говорить).
Борис Андреевич, я хочу объяснить вам, что эти деньги, если вы, конечно, дадите, мы с Пчёлкиным, то есть, с мужем моим Алексеем, вернём вам ровно через год. Я всё рассчитала, вот... (вынимает тонкую исписанную тетрадочку, листает) вот: мы будем откладывать ежемесячно по... вот, тут всё написано... плюс к тому я возьму дополнительные уроки, репетиторство, Пчёлкин, то есть, муж мой Алексей, будет работать сверхурочно...

Белугин (приятно улыбаясь, берёт руку Ольги в свои руки). Остановитесь. Не надо сверхурочной работы. Не надо репетиторства. Я нашёл деньги, которые вам необходимы. И я не ставлю вам никаких условий.

Оркестр начинает играть красивую мелодию.

Ольга (испуганно). Правда?

Белугин молча целует Ольге руку, та в смущении опускает глаза. Появляется официант.

Официант. Будете заказывать?

Белугин предлагает Ольге меню, но она не берёт.

Ольга. Нет-нет, спасибо, я совсем ничего не буду!

Белугин делает знак официанту, тот наклоняется.
Водя пальцем по строчкам и что-то негромко произнося, Белугин делает заказ.
Ольга смущённо смотрит по сторонам.

Слева направо по сцене проходит Поэт.
Замерев, смотрит на Ольгу.

Справа налево, вихляясь под музыку,
по сцене проходит Хулиган.
Нарочно задевает плечом Поэта.
У Белугина звонит телефон.

Белугин (в трубку). Да-да! Отлично. Как договорились. В девять утра буду у вас. До завтра, Давид Семёнович.

Ольга удивлённо смотрит на Белугина.

Белугин. Один из моих деловых партнёров.

Демонстративно выключает и прячет трубку в карман.
Официант приносит вино, наливает.

Белугин (чокается с Ольгой). За нашу встречу.

Пьёт, глядя в глаза Ольге.
Та, слегка пригубив, ставит бокал.

Белугин. Прошу вас...

Ольга выпивает до дна, у неё
снова развязывается язык.

Ольга. Вы знаете, нам нужно было две тысячи, но одну тысячу я вчера уже достала...

Белугин. Что вы говорите? И кто же этот рыцарь без страха и упрёка?

Ольга. Мой дядя, Давид Семёнович.

Белугин. Он дал вам тысячу долларов?

Ольга. Я продала ему кое-что из своих вещей.

Белугин. Так-так... Теперь я вспоминаю, где я видел...

Ольга. Что вы говорите?

Белугин. Нет, ничего. Давайте выпьем ещё.

Белугин наливает вино, оба пьют.

Ольга. Вы знаете, я тоже где-то видела...

Белугин. Что?

Ольга. Эту булавку, которая на вашем галстуке.

Белугин. От вас ничего не скроешь, Ольга Петровна.
Вы догадались, что я тоже был у вашего дяди.

Ольга. Догадалась и подцепила вас на эту булавку,
хотя никогда раньше её в глаза не видела. А почему вы хотели от меня это скрыть?

Белугин. Ну... может быть... когда-нибудь, с помощью вашего дяди, я приготовлю вам какой-нибудь маленький сюрприз.

Ольга. Умоляю вас, Борис Андреевич, не нужно никаких сюрпризов. Подумайте сами, в какое положение вы можете меня поставить...

Белугин наливает вино, Ольга делает глоток,
ставит на место.

Ольга. Послушайте! Мне нельзя столько пить! Я ещё совсем ничего не ела сегодня.

Белугин. Момент...

Щёлкает пальцами, подзывая официанта.

Оркестр начинает играть ритмичную мелодию.

На заднике сцены, на белом экране, высвечивается светомузыка. Театром теней появляются силуэты танцующих.

Официант приносит закуски.

Белугин. Прошу вас.

Ольга нехотя ковыряет вилкой в тарелке.

Ольга. Странно... Совсем не хочется есть.

Белугин. Тогда выпьем ещё.

Пьют. Белугин наливает ещё.

Белугин (закусывает). Олеся, признаитесь мне честно... Вам всё это — ещё не наскучило?

Ольга удивлённо озирается по сторонам.

Ольга. Что?..

Белугин. Ну, вся эта жизнь... Лишённая романтики, поэзии... безумств... Сладости запретного плода, в конце концов.

Ольга. Вы не можете знать, чего я лишена, а чего имею в достатке.

Белугин. Да, конечно, вы правы. Сейчас вы здорово поставили меня на место. Наверное, я выразился не совсем удачно.

Ольга. Вы выразились не совсем прилично.

Белугин (протягивает наполненный бокал). Простите. (Чокаются, пьют.) Знаете, Олеся...

Ольга. Знаю, знаю. Вы сейчас скажете, что годы летят, что жизнь даётся нам только один раз, и что пора, пока ещё не поздно, брать от этой жизни всё... Или что-нибудь в этом роде.

Белугин. Что-нибудь в этом роде... Знаете, Оля, с каждой минутой я убеждаюсь, что совсем не знал вас прежде.

Ольга. Можно узнать много нового, оказавшись с женщиной наедине. Особенно, если она выпила натощак.

Белугин. Я не могу кормить вас насилино.

Ольга. Не надо. Давайте ещё выпьем.

Пьют.

Белугин. Ещё пять минут назад я собирался говорить с вами о романтике тайных свиданий... Глупо.

Ольга. И что теперь?

Белугин. Завтра утром я улетаю в Лондон. Просто вы останетесь моим последним радостным воспоминанием на этой земле.

Ольга. Поздравляю, это уже немного тоньше. Я почти клюнула. Однако есть одно обстоятельство... Чтобы впоследствии вас не постигло внезапное разочарование, обязана предупредить: рамки моих полномочий не распространяются дальше лёгкого флирта.

Белугин. Кто же обозначил эти рамки? Ваш муж? Он знает где мы? Может быть, он сейчас следит за нами?.. (Вертит головой по сторонам.)

Ольга. Не бойтесь.

Оркестр начинает играть медленный танец.

Белугин. Знаете, я решил переменить тактику. Вы умная женщина, и от этого меня ещё больше влечёт к вам. Просто чертовски влечёт... И я больше не буду говорить о романтике тайных свиданий или о сладости запретного плода.

Ольга (поперхнувшись). Извините...

Белугин. Вам нужна тысяча долларов. Я мог бы одолжить вам эту сумму на длительный, никак не оговоренный срок. Разумеется, без всяких процентов. Прошу вас...

Наполняет бокалы.

Ольга выпивает залпом, не сводя глаз с Белугина.

Белугин. Деньги у меня дома. Да не смотрите же так! Я действительно не могу носить в карманах пачки наличности. Поверьте, это не уловка, чтобы затащить вас в постель. Впрочем, если вы одержимы только одной этой идеей... Если вы не доверяете порядочности мужчины, депутата, в конце концов...

Ольга. Не доверяю. Но всё равно, поехали.

Встаёт.

Белугин. Погодите! (Берёт Ольгу за руку.) Теперь вы готовы лишить меня последнего удовольствия. Пойдёмте, потанцуем.

К столику подходит Поэт.

Ольга садится, не обращая на него внимания, потирает пальцами лоб, пытаясь сосредоточиться.

Поэт опускается на колени и, заглядывая Ольге в глаза, громко и нараспев читает стихи.

Поэт. Кудесница!
О талия! О линия бедра!
Ресницы длинные в глазах твоих лукавых
Уже ль не будут мне они кивать,
Согласье означая?!

Иль в гроб сведёт меня тоска!
Иль растворив ворота рая,
Вкусу!
Запретный! Тайный!
Плод моих желаний!..

Ольга. Послушайте! Послушайте! Вы — человек?

Поэт. Да! Я — человек!

Ольга. Зачем же вы воете как собака?

Поэт отшатывается.

Ольга. Поверьте мне, так стихи и читают. И стихи ваши, между прочим, нахальные. Что это ещё за тайный плод ваших желаний? Очумели вы все от жары? Идите, жене своей рассказывайте.

Белугин. Идите, идите, молодой человек, не мешайте.
(Вслед уходящему в отчаянии Поэту.) Сумасшедший...

Ольга. Послушайте! Что это у вас у всех плоды на уме?

Белугин. А разве я тоже что-то такое говорил?

Ольга. Что-то такое.

Белугин. Напомните, пожалуйста.

Ольга. Вы говорили, что моя жизнь лишена поэзии, романтики и сладости запретного плода.

Белугин. Какая у вас память.

Ольга. Учтите, что я выпила. Так вот давайте я все-таки отвечу. Из вышеперечисленного списка — поэзию (кивает в сторону удалившегося Поэта) — мы решительно вычеркиваем. Поэзия в этом смысле меня совершенно и окончательно разочаровала. Налейте. Романтику — тоже. Потому что...

Официант. Горячее подавать?

Ольга отмахивается.

Ольга. Потому что, какая же здесь (делает жест в сторону удаляющегося официанта) романтика. (Пауза.) Что же касается вашего... (допивает) плода... (Пауза.) То нельзя ли пояснить более конкретно: что вы имеете в виду.

Белугин. Ну... А разве я не говорил?.. Ах, ну да. Теперь я вспомнил. Конечно, теперь я вспомнил! Это из Библии. Да. Где-то в самом начале. Возможно, я просто недостаточно точно процитировал. Ведь у меня не такая хорошая память, как у вас.

Ольга. Из Библии?

Белугин. Конечно. А вы что подумали?

Ольга. Ага. Теперь я понимаю. Скажите, а он тоже?.. Ну, этот, который читал здесь стихи... Он тоже имел в виду... возвышенные материи?

Белугин. Олеся, дорогая, разумеется я не могу поручиться за этого несчастного идиота. Но... вполне вероятно.

Ольга. А я, признаться, подумала, что вас волнует совсем другое. Мне теперь даже как-то неловко...

Берёт из вазы яблоко и вручает Белугину.

Держите. Это совершенно точная цитата. Из Библии, где-то в начале. И — прощайте.

Залпом выпивает бокал вина
и поднимается, чтобы уйти.

Белугин. Погодите!..

Между Белугиным и Ольгой возникает Хулиган.
Хватает Ольгу за талию.

Хулиган. Па-атанцуем?..

Ольга выворачивается, берёт из вазы яблоко и вручает Хулигану. Берёт ещё по яблоку в обе руки.

Ольга. Ну, кому ещё запретного плода? Эй, мужчины!
Держите!..

Одно за другим швыряет яблоки из вазы
в зрительный зал.

Мужчины! Налетай! Хватай, хватай плоды!
Держи, хватай лёгкую добычу! Красивые! Румяные!
Нечелованные! Что будете делать потом —
с огрызками? А? Ловите! Что же вы?.. Эй!..

Белугин хватает Ольгу за руки, пытается усадить.
Неожиданно Хулиган наносит ему боксёрский удар.

Белугин улетает за кулисы, откуда торчат
только его ноги. Хулиган пытается
заставить Ольгу с ним танцевать.

Появляется Поэт,
прыгает сзади на Хулигана,
обхватывает его за шею, душит.
Ольга визжит, Хулиган рычит,
Поэт кричит «не смей её трогать!»,
свистит прибежавший милиционер.
Оркестр сползает на низы, свет гаснет.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Квартира Милы Истоминой.

Хозяйка в трауре.

На столе начатая бутылка, несколько рюмок.

Негромко играет джазовая музыка.

Мила сидит в кресле, курит сигарету,
вдетью в длинный мундштук.

Звонит телефон, Мила берёт трубку.

Мила. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Звонок в дверь.

Мила гасит сигарету, опускает на лицо чёрную вуаль,
выключает музыку. Идёт открывать.

Возвращается с ошарашенным Алексеем.

Алексей. А... э-э...

Звонит телефон. Мила снимает трубку.

Мила. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку, смотрит на Алексея.

Мила. Ну что же вы стоите как столб? Не беспокойтесь,
я одна. Теперь совсем одна.

Алексей. А где... ваш муж?

Мила. Со вчерашнего дня я вдова.

Алексей расслабляет галстук на шее. Осматривается.

Мила. Не бойтесь, его уже увезли. (Поднимает вуаль,
прикуривает.)

Алексей (медленно опускается на стул). Когда же...
это... случилось?

Мила наливает водку в однушку из рюмок.

Мила. Мы возвращались откуда-то из гостей... была уже
ночь... Ах, да, мы как раз были у вас... Зашли в
парадную, вдруг — баах! баах!.. Я даже ничего не
успела понять. Как потом оказалось, лампочку в
парадной выкрутили специально... Выпейте.

Алексей опрокидывает рюмку водки, словно это вода.
Звонит телефон, Мила берёт трубку.

Мила. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку.

Алексей. Когда похороны?

Мила. Послезавтра. Все дела потом... Извините, эти бес-
конечные звонки... Вы уже выпили? Я тоже выпью.

Мила наливает две рюмки, слегка пригубливает.

Алексей опрокидывает свою, не чувствуя вкуса.

Мила. Вам лучше?

Алексей. Спасибо. Кажется, немного лучше.

Мила. Вот и хорошо, я рада. Вы такой впечатлительный... извините, я на минутку...

Мила выходит.

Алексей берёт трубку, набирает номер,
слышит длинные гудки.

Появляется Мила, одетая в халатик.

Мила. Закройте рот, пожалуйста. Вы удивлены, что не увидели здесь море слёз?.. Да, вы правы, я никогда не была ему примерной женой. Если хотите, это был брак по расчёту. Нечто вроде акционерного общества закрытого типа – АОЗТ. Акции мужа назывались «Деньги и Сила», мои – «Красота и Ум». В этом смысле наше сотрудничество было чрезвычайно эффективным. Однако, ради этого полезного сотрудничества, мне приходилось приносить в жертву многое такое, чего не купишь за деньги... Да повесьте же трубку! Ваша жена, скорее всего, вам изменяет. Ваши с ней совместные акции, состоящие, как вы, надо полагать, думали, из одних только добродетелей, резко обесцениваются.

Алексей. Мила, что вы говорите!

Мила. Как будто вы не знаете сами, что она ушла на свидание с Белугиным.

Алексей. Это не свидание, это деловая встреча. И вообще, откуда вы знаете?

Мила. Просто болтали по телефону.

Алексей. С Олей?

Мила. Нет, с Белугиным. В наших с ним бизнес-планах оказалось много чего общего. Неприятный тип. Однако, нам придётся сотрудничать. Весь бизнес мужа я беру в свои руки...

Звонит телефон.

Мила. Да. Благодарю. Послезавтра. Все дела потом.

Вешает трубку.

Знаете, я, пожалуй, включу автоответчик.

Нажимает кнопку, надиктовывает.

«Благодарю вас за соболезнование. Похороны состоятся послезавтра. Остальные дела потом.»

Алексей (глядя перед собой). Как вы думаете, он...

Мила. Вполне возможно, что он имеет именно такие намерения. Однако, Оля взрослая женщина и должна вполне отчётливо понимать все возможные нюансы такого дела...

Алексей. Что, что понимать?!

Мила. Послушайте, это, в конце концов, глупо. Ревностью вы ничего не добьётесь.

Алексей. Нет, скажите, что она должна понимать. Объясните, вы — женщина.

Мила принимает соблазнительную позу
на устеленной белым мехом тахте.

Мила. Я рада, что вы всё-таки это заметили. Налейте ещё.

Алексей наливает и подаёт Миле рюмку.

Мила удерживает его, заставляя сесть рядом.

Мила. Оля знает, что Белугин от неё без ума, но, тем не менее, идёт к нему просить денег. И понимать тут совершенно нечего.

Алексей (прикрыв глаза, запрокидывает голову). У-у-у!!!

Мила. Не страдайте. Существует по крайней мере два обстоятельства, которые могут им сильно помешать.

Алексей (отнимает руку). Какие?

Мила. Ну, первое — это то, что Белугин, как все богатые мужчины, до неприличия сконсервативен. Хотя, не скрою: ради того, чтобы покрасоваться перед желанной женщиной, он может кое-чем пожертвовать...

Алексей. А второе?

Мила. Со временем узнаете и второе. Может быть.

Чокаются, выпивают.

Алексей. Погодите!.. Мы не должны были чокаться!

Мила. Вот ещё глупости. Официальная часть закончена. (Включает музыку, гасит свет, оставляет мягкую «интимную» подсветку.) Вы тоже можете снять пиджак... (Стаскивает с плеч Алексея пиджак.)

Алексей. Зачем? Не надо...

Мила. И даже ослабить галстук... (Стаскивает галстук и расстёгивает ему пуговицы рубашки.)

Алексей. Что вы делаете...

Мила. Я хочу, чтобы вы меня... чтобы вы меня утешали. Вы не посмеете отказать женщине в такой малости... Ну же... ну...

Затемнение.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Квартира Белугина.

Хозяин лежит на диване с компрессом на лице.

Ольга хлопочет возле него.

Ольга. Борис Андреевич! Ну зачем, зачем вы полезли в эту драку!

Белугин (в нос). Честь дамы, дорогая Олесяка... Прежде всего честь дамы...

Ольга. А сколько было крови! Милиционер подумал, что вас зарезали!

Белугин. В такси... я там обивку запачкал... Вы заплатили?

Ольга. Заплатила. Только он больше требовал, а у меня нет.

Белугин. Господи, господи... Как же ещё необеспеченно живёт наш народ! Наши врачи, учителя... Олесяка, ведь вы учитель?

Ольга. Я учительница.

Белугин. Конечно, разумеется... Знаете, у меня слабый нос, ещё с детства. Мне сделали подножку, и я ударился о парту. Сделали подло, исподтишка. Но я – не ропщу, как видите. И не виню своих учителей, своих жестоких товарищей... С тех пор у меня слабый нос.

Ольга (подносит новый компресс) Да-да, я уже в курсе...

Белугин. Но ведь сила у мужчины не в этом?

Ольга переменяет компресс, Белугина ахает.

Ольга. Я полагаю, что сила у мужчины совершенно в другом месте.

Белугин (поднимает голову). Правда? Вы тоже так думаете? А в каком, в каком?

Ольга. Где-то приблизительно вот здесь (указывает на свою голову) и вот здесь (указывает на своё сердце).

Белугин. Но вы показали два. А, может быть, их ещё больше?

Ольга. Знаете, у вас кровь больше не течёт. И лёд уже весь растаял...

Снимает с лица Белугина компресс, даёт ему полотенце. Белугин осторожно садится, вытирает лицо. У него из носа торчит вата.

Белугин. Оленька, дорогая... даже не представляю, что бы я без вас делал.

Ольга. Ну, если бы не я, вы бы вообще не получили по физиономии.

Белугин (шутит). Нет-нет, я бы всё равно вступился бы за какую-нибудь другую женщину. Я ведь такой неисправимый дон-кихот и романтик...

Ольга (устало). Ладно, дайте чего-нибудь выпить.

Белугин. Да-да, конечно...

Торопливо достаёт бутылку коньяка, фужеры.

Открывает коробку конфет. Гасит свет и зажигает свечи. Наполняет фужеры.

Там, на кухне, возьмите закусить. Икра, сыр, фрукты...

Ольга (выпивает залпом). Не надо. Дайте деньги, и я пойду.

Белугин. Вы куда-нибудь торопитесь?

Ольга. А вы уже забыли, что я замужем?

Белугин (многозначительно). А вы позвоните. Позвоните и скажите, что всё идёт по плану.

Ольга (сняв трубку, кладёт её обратно). По какому плану?

Белугин. Ну, у вас ведь должен был существовать какой-то план?.. (Улыбается.) Моего обольщения... Или вы рассчитывали лишь только на то, что я проникнусь состраданием к вашим совместным финансовым трудностям? За истекшие сутки ко мне могли обратиться целые коллективы граждан, жизнь или смерть которых зависит от тысячи американских долларов. И если бы у них было хотя бы на волосок надежды их получить, они бы все рыдали, ползая здесь, у меня в ногах.

Ольга. Они умерли?

Белугин. Умерли?..

Ольга. Вы сказали, что от вас зависела их жизнь или смерть.

Белугин. Знаете что... Давайте считать, что я всё-таки даровал им жизнь. Ну, также, разумеется, богатство и титулы. Дорогая, что у вас за мрачные мысли? Выпейте, выпейте ещё... Вы хотите денег? Так позвоните мужу и обрадуйте его. Скажите ему, что дело в шляпе!

Ольга набирает номер, слушает длинные гудки.

Ольга. Никого нет.

Белугин. Вот видите? Оказывается, спешить совершенно некуда. Вас никто не ждёт. А вдруг случится так, что ваш муж сам найдёт необходимую сумму? Тогда у вас будет ровно вдвое больше того, что нужно. А это бывает тоже не очень хорошо, поверьте.

Ольга. Где же он... Сегодня у него был такой вид, как будто он готов на всё ради этих денег, буквально на всё...

Белугин. Не переживайте. Мне почему-то кажется, что с вашим мужем всё обстоит благополучно.

Ольга. А мне почему-то кажется, что вы всё время чего-то не договариваете. Вы знаете где он?

Белугин. Оставим догадки и подозрения. Вы у меня в гостях, а ведь ещё вчера я не мог и мечтать...

Ольга. Когда же вы начали? Ну, мечтать? Когда я пришла к вам на свидание? Или ещё раньше, когда я вам позвонила? Наверное, тогда вся перспектива этого вечера пронеслась в вашем воображении. Со всеми подробностями. И, может быть, даже с этой дракой в ресторане?..

Белугин. Как же я мог предусмотреть драку?

Ольга. А нет ничего проще. За вечер вы не раз уходили... освежиться. Вы могли всё подстроить.

Белугин. Даже пожертвовав ради этого собственным носом?

Ольга. Даже носом.

Белугин. Какая прелесть.

Ольга. Если вы заплатили за потасовку вперёд, этот тип, этот хулиган, мог вас просто-напросто одурячить и ударить по-настоящему.

Белугин (притворно смеётся). Как вы говорите?.. Заплатил?.. А он — по-настоящему!.. Хахаха!..

Неожиданно заваливает Ольгу на диван, пытается что-то задрать, что-то расстегнуть...

Ну зачем... зачем по-настоящему... Давайте притворяться... как будто мы шутим...

Ольга. Погодите. Ну погодите же немножко!

Белугин (задыхаясь). Что!

Ольга. Дайте, я ещё выпью.

Трясущейся рукой Белугин наполняет фужеры.

Ольга отходит, достаёт из сумки пузырёк
с таблетками, высыпает горсть на ладонь.

Ольга. Умыли бы вы свою физиономию, что ли, Борис
Андреевич?..

Белугин. Да-да, я сейчас.

Белугин выходит.

Ольга высыпает таблетки в его фужер,
размешивает лезвием столового ножа.

Возвращается Белугин. Они чокаются, пьют.

Ольга. Вы сильный мужчина.

Белугин (порывисто опускается на колени). Оля, дорогая,
будьте моей, я вас озолочу...

Ольга. А вот это уже слабость. На такое клюнет разве
что сентиментальная дурочка. А вы, кажется,
уже имели возможность заметить, что я вполне
прагматичная женщина. Даже, если хотите,
расчётливая.

Белугин. Хочу! Хочу!..

Ольга. Но разве вы ещё не поняли, что таких как я
нужно брать силой? Грубой... настойчивой...
мужской силой...

Надрывно звучит музыка танго.

Белугин берёт Ольгу за руку, рывком поднимает.

Они танцуют. Движения Белугина становятся
всё менее уверенными. Вот он наклоняет Ольгу
всё ниже и ниже, пока они вместе не валятся на
диван. Музыка замолкает. Слышен храп Белугина.

Ольга выбирается из-под его туловища.

Ольга. О господи! Наконец-то...

Ольга садится в кресло, обмахивается платком.
Берёт трубку, набирает номер, слышит длинные гудки,
вешает трубку. Смотрит на Белугина, встаёт,
снимает с кресла плед, заворачивается,
устраивается в кресле поудобнее,
закрывает глаза.
Свет гаснет.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

Мила и Алексей лежат на тахте.
Облокотившись о подушки, пьют шампанское.
Играет приятная музыка.

Мила. Вам понравилось?

Алексей. Отменное шампанское. Наверное, стоит...

Мила. Пятьдесят долларов за бутылку.

Алексей (смотрит бокал на свет). Стоимость двух десятков бутылок этой благородной шипучки могла бы спасти мою невинность.

Мила. Поздно вспоминать молитву, когда пятки горят.

Алексей. Разве есть такая пословица?

Мила. Не знаю. Кажется, я сама её только что придумала.

Алексей. Послушайте... Вы — такая умная и богатая — чего вы во мне нашли? Примерный семьянин, работяга, ни чем не выдающийся человек.

Мила. Ну, во-первых, вы могли бы продолжить ряд эпитетов, касающихся моих качеств, ещё одним словом. Свободная.

Алексей. Этого нельзя сказать обо мне.

Мила. Мужчина не имеет права отказать женщине.

Алексей. Но почему именно я? Разве вокруг вас мало красивых и богатых?

Мила. Удивительно, что нужно объяснять такие вещи. Что если вы мне просто понравились. Ну, совпали, получили резонанс какие-то там вибрации, если вам, как инженеру, это понятнее. Красивые и богатые мужчины должны посвятить себя служению... многим. Я же хочу слопать вас одна и ни с кем не делиться. Конечно, я понимаю: вы слишком привязаны к своей жене. Настолько, что это сводит мои шансы...

Алексей. К нулю.

Мила. Не надо хамить. Я посчитала свои шансы. Пятнадцать процентов из ста я могу получить в считанные часы или дни. С оставшимися восьмьюдесятью пятью придётся основательно поработать.

Алексей. Как же вы считали?

Мила. Судите сами. Пять я уже заработала. По крайней мере, я имею основания так полагать.

Алексей. Допустим.

Мила. Оставьте этот ваш тон. Ещё пять я заработаю, окружив вас любовью пополам с холодным расчётом. Если мужчина не дурак, он легко поддаётся влиянию умной и самостоятельной женщины.

Алексей. Почему?

Мила. Потому, что умная и самостоятельная женщина — подарок судьбы. Рядом с ней мужчина не должен служить надёжной спиной. Он может расслабиться и жить в своё удовольствие. Он больше не защитник и не добытчик с каменным топором, который обязан приносить в пещеру еду. Он нормальный, современный человек — любовник, друг и союзник. Разве вы никогда не мечтали о такой женщине? Отвечайте.

Алексей. Ответа не будет.

Мила. Как хотите. Ещё пять, а, может быть, и пятьдесят или все сто... я рассчитываю получить, сделав вам предложение... определённого рода. Скорее всего, что поначалу вы откажетесь, но зерно будет брошено и прорастёт рано или поздно.

Алексей. Вот это я не совсем понял.

Мила. Хорошо, сейчас объясню. Налейте... Итак, вы уже знаете, что я беру в руки бизнес моего покойного мужа. Сохраняются все структуры и связи. Работа не прекращается ни на минуту, состояние множится. Есть только одна проблема. Вы понимаете? Я не могу работать как лошадь.

Алексей. Вам нужен управляющий делами.

Мила. В точку. Но такой, чтобы был у меня на виду и днём и ночью. Такой, которому я бы всецело доверяла и который мог бы смело распоряжаться моими деньгами.

Алексей. Хорошо, я подумаю.

Выключает музыку, снимает трубку, набирает номер.

Мила. Вы подумаете? А я уже услышала «нет». Вы уверены, что приняли честное и правильное решение. По отношению к Оле. Но что если она нечестна по отношению к вам? Что если ваша любовь и ваша жертва для неё — тьфу. Что если она вам всё-таки изменяет?

Алексей (хлопает трубкой по аппарату). Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

Решительно встаёт, одевается.

Мила. Куда вы сейчас?

Алексей. Не знаю. Скоро утро. Пройдусь по воздуху.

Мила. И вы будете звонить домой из каждого автомата...

Алексей. Вы говорили про два обстоятельства, которые...
ну, могут им помешать.

Мила. Ах, да. Первое это то, что по причине скучости
Белугина у них может возникнуть туниковая
ситуация.

Алексей. А второе?

Мила. Ладно... так и быть. Получайте второе. Ольга вас
любит, господин Пчёлкин. А любящая женщина
почти никогда не способна изменить.

Алексей присаживается на край кровати, берёт Милу за
руку). Спасибо. (Встаёт.) Прощайте.

Мила. А ты всё-таки помни о моём предложении дорогуша,
оно остаётся в силе.

Алексей. Что-то вроде управляющего?

Мила. Можно и так. Но можно и по-другому.

Алексей. Как же ещё?

Мила. Что-нибудь вроде мужа...

Посыпает воздушный поцелуй.
Алексей улыбается, уходит.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Квартира Белугина.

За окном светает. Ольга спит в кресле, хозяин похрапывает на диване. Сигналит будильник.

Ольга просыпается, вертит головой, встаёт. Подходит к Белугину, трясёт его за плечо.

Ольга. Эй! Послушайте! У вас будильник! Вы, кажется, в Лондон собирались... Эй!..

Белугин мычит и отмахивается.

Ольга набирает в фужер воды из бутылки, выливает ему на голову.

Белугин (садится, трогает лицо, смотрит на пальцы). Что это... кровь?..

Ольга (включает свет). Это вода!

Белугин. Приснится же такое...

Ольга. Вам надо собираться, я пойду...

Выжидательно смотрит на Белугина.

Белугин (трогает нос). Нос распух...

Ольга. Могу припудрить, будет совсем незаметно.

Белугин (ощупывает голову). А это... голова... почему так кружится?

Ольга. Нет, по голове вас, кажется, никто не бил. Наверное, просто выпили лишнего.

Белугин (наливает себе коньяку, с озабоченным видом выпивает). Так-так-так... (Смотрит на часы.) Туда-сюда... Действительно пора.

Ольга (решительно встаёт перед дверью). Борис Андреевич, извините, но я не уйду. Пока вы не дадите деньги. Вы обещали.

Белугин (обретая хорошее самочувствие и уверенность). Я, может быть, что-то и обещал... Но и вы, моя дорогая, давали вполне двусмысленные авансы.

Ольга. Какие ещё авансы! О чём вы говорите!

Белугин. Ночь в квартире одинокого мужчины... Вряд ли ваш муж удовольствуется теперь объяснениями только лишь меркантильного характера.

Ольга. Пчёлкин... Он же ничего не знает, он меня ищет!

Хватает трубку, набирает номер,
слышит длинные гудки.

Белугин наливает себе ещё раз до полна.
Передумав, отливает в бутылку половину.
Выпивает.

Ольга (бросает трубку). Давайте деньги, вы обещали!

Белугин. Какая вы смешная. Вы действительно думаете, что я отдам штуку баксов за ваши красивые глаза? Будьте реалисткой, Олеся, дорогая, мы ещё можем договориться...

Приближается к Ольге
почти вплотную.

Ну, что же вы так смотрите... Деньги тут, совсем рядом. Будь умницей, и никто ничего не узнает...

Начинает расстёгивать
на себе рубашку.

Вы такая... я буквально схожу с ума, когда вас вижу... Я дам деньги... и не надо отдавать... только бывайте, бывайте здесь у меня, раз в неделю, нет, раз в месяц... Я буду давать ещё, скоро у меня будет много, очень много денег... Никто, никто ничего не узнает...

Расстёгивает ремень.

А эту тысячу... я дам вам сейчас... она здесь, рядом... сразу после...

Ольга хватает Белугина за воротник рубахи и сдёргивает так, что его руки оказываются скованными рукавами с застёгнутыми манжетами.

Нащупывает яблоко в вазе.

Ольга. Откройте рот.

Белугин. Что такое?..

Ольга. Вы хотели, откройте рот! Иначе по губам!

Белугин в испуге разевает пасть,
Ольга с размаху загоняет туда яблоко.
Потеряв равновесие, Белугин пятится.
Ольга бьёт его кулаком в нос.

Белугин падает на диван.
Высвобождает руки, отбрасывает яблоко,
хватается за нос, кричит.

Белугин. Оо-ooo-ooo!..

Ольга (берёт свою сумку, уходит). Что б ты подавился, гадина.

Хлопает дверью.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Утро. Открытый пивной павильон.

За высоким круглым столиком стоят Шилов и призрак Карла Маркса. На голове у Маркса-«байкера» — шлем в виде фашистской каски. Перед ними кружки с пивом, вобла на мятой газете.

Продавщица в окошке поглядывает на единственного посетителя с тревогой: она думает, что тот разговаривает сам с собой.

Карл Маркс. Согласитесь, Владимир: у каждого перед глазами есть определённая цель. Такая цель, которая вам самому кажется великой, и которая в действительности такова, если её признаёт великой ваше глубокое убеждение... голос вашего сердца. У вас есть перед глазами такая цель?

Шилов. Сейчас — нет. (Пауза.) Дайте мне аванс... То есть, заказ. Такой заказ, чтобы мир затаил дыхание. Тогда будет цель. А так... что болтать.

Карл Маркс. В этом вы правы. Если человек трудится только для себя, он может стать превосходным мастером своего дела. Но он никогда не сможет стать великим человеком.

Шилов. В теории...

Карл Маркс. Теория овладевает материальной силой, как только она овладевает массами.

Шилов. При чём тут массы. Вы намекаете на то, что в рекламном бизнесе крутятся большие деньги? Дай вам волю, и вы бы и Рафаэля приспособили рисовать этикетки. Мелко, основоположник. В одном вы правы: мне необходима регулярная практика. Без настоящей работы я утоплю свой талант в кружке.

Появляется молоденький милиционер,
но Шилов его не видит.

Милиционер неспешно прогуливается,
останавливается возле продавщицы.

Карл Маркс. Каждый, в ком сидит талант Рафаэля, должен беспрепятственно развиваться. Однако мне кажется, вы недооцениваете культурные потреб-

ности современного рабочего класса.

Шилов. Знаем мы их культурные потребности. Теперь только такие потребности удовлетворяют. Вы этого добивались?

Продавщица (обращаясь к милиционеру, кивает на Шилова). Сам с собой разговаривает...

Карл Маркс. Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства.

Шилов. Прекратите говорить непонятно! Кому сейчас нужен мой талант? Капитал и невежество идут рука об руку!

Карл Маркс. Поосторожней на поворотах, приятель!

Шилов. Слушай, ты, призрак коммунизма! Ты уже такой мёртвый, что не в состоянии родить ни одной новой мысли!

Милиционер неспешно подходит к Шилову сзади.

Карл Маркс. От меня остались хотя бы цитаты. А от тебя останется задолженность по квартплате и грязная посуда в раковине.

Шилов хватает Карла Маркса за грудки.

Милиционер кладёт на плечо Шилова дубинку.

Милиционер. Гражданин Шилов!

Шилов оборачивается.

Шилов. Здорово, Санёк!

Отступает от Карла Маркса,
поясняет, мгновенно забыв обиду,
дружелюбно:

Из моего двора парнишка.

Обращается
к милиционеру:

Ты откуда взялся?

Санёк. Я с дежурства.

Шилов. А я — просто так.

Санёк. Одному не скучно стоять?

Шилов. Человеку с фантазией никогда не бывает скучно.

Карл Маркс. Золотые слова, парень не дурак.

Санёк. Фантазия у тебя богатая. С такой фантазией — не боишься в дурдоме прописаться?

Карл Маркс. Воображение — великий дар, много содействовавший развитию человечества.

Из правой кулисы появляется Алексей Пчёлкин.
Он еле-еле перебирает ноги, голова опущена.

Санёк. Смотри...

Из левой кулисы появляется Ольга Пчёлкина.
Она еле-еле перебирает ноги, голова опущена.

Шилов. Санёк, скажи мне, это люди или призраки? Нет,
лучше молчи.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Ольга и Алексей, не замечая ничего вокруг, очень медленно, словно зомби, шажок за шажком, движутся навстречу по самому краю сцены — над зрителями. Карл Маркс, Шилов и Санёк за ними молча наблюдают.

Едва не столкнувшись лбами, супруги поднимают глаза друг на друга.

Ольга. Алёша...

Алексей. Оля? (Делает движение, чтобы обнять её, но тут же отступает на шаг.) Где ты была?!

Ольга. Я?.. (Опускает голову.) Я была у Белугина. Его избили... Я должна была отвезти его домой.

Алексей (злорадно). Сильно избили?

Ольга. Да... То есть, нет... Но было очень много крови... Я всё время звонила, но тебя не было... Откуда ты?

Алексей. Я?.. Я был... Впрочем, сейчас это не важно. Оля, я не понимаю, ты что, была с Белугиным всю ночь? Наедине? В его квартире?..

Ольга. Да, я была. Он обещал деньги. Он сказал, что деньги приготовлены и лежат у него в квартире.

Алексей. Значит, он так сказал... И ты поехала к нему и осталась у него на ночь. Сколько же мы теперь ему должны?

Ольга. Нисколько... Потому, что...

Алексей. Потому что ты отработала эти деньги?

Ольга бьёт Алексея по физиономии, отворачивается.

Ольга. Потому что он ничего не дал.

Алексей. А это ещё ничего не значит! Да-да! Ровным счётом ничего не значит! Всем известно, что из него копейки не вытянуть. Понятное дело! Такой мерзавец мог наобещать с три короба, а после не заплатить.

Ольга. После чего?

Алексей. После... После чего угодно! Вы занимались любовью!..

Ольга. А так же верой и надеждой. Говори по-русски!

Алексей. По-русски? Как же это по-русски... (Сообразив, пугается.) О господи!..

Ольга бьёт его во второй раз.

Алексей. Ага! Тебе нечего ответить!

Ольга. Где ты был? Я звонила всю ночь!

Алексей. Я?.. Почему ты спрашиваешь?.. Ну, допустим, что умер человек. Да-да, умер. Между прочим, не совсем посторонний тебе человек, муж твоей подруги... Люды... Милы...

Ольга. Истоминой?!

Алексей. Да-да! Его убили! Застрелили — бах! бах! Тогда... когда они ушли от нас! От нас, понимаешь?..

Ольга. О господи...

Алексей. Я был там, у неё, вместо тебя. Траур, слёзы, валерьянка... Я утешал.

Ольга. Слёзы? Валерьянка? Это на неё не похоже. Как же ты её утешал?

Алексей. Нет, не то, я не правильно сказал... Я был у неё, потому что она тебе позвонила, но тебя уже не было... Ты была...

Ольга. Ты её утешал, а она пожалела дать тебе денег в долг?

Алексей. Она предлагала... но я не взял.

Ольга. Почему же ты не взял, если она предлагала?

Запутавшийся Алексей разводит руками.

Ольга. Гусары денег не берут?..

Алексей (неубедительно). Оля, как тебе не стыдно.

Ольга. Мне стыдно! Стыдно за свою бывшую подругу. Стыдно за своего бывшего мужа. Стыдно за себя... (Плачет.)

Алексей. Ага! Тебе стыдно за себя! Всё-таки призналась!

Ольга разворачивается, чтобы уйти.

Алексей хватает её за плечи, разворачивает обратно. Ольга пытается ударить его третий раз, но промахивается. Алексей хватает её за руки, начинается борьба. Подбегают Санёк и Шилов, разнимают супружеское.

Санёк. С ума сошли? Сейчас обоих — в отделение!

Шилов. Миритесь или хуже будет.

Алексей. Я согласен. Только пусть она руки не распускает.

Ольга. Ещё поговорим.

Алексей. Оля, действительно не время.

Ольга. Временное перемирие.

Санёк. Ну а вообще?.. Почему такие кислые?

Алексей. Квартиру купили, а заплатить не можем.

Карл Маркс. При коммунизме не будет собственников. Каждый сможет занять любую квартиру и вы-брать себе любую женщину. Всё будет общее.

Шилов. Двести лет прожил, а ума не набрался.

Алексей. Не понял.

Шилов. Продайте своего Челлини. Сидите на нём... как на бочке с порохом.

Ольга. Я тоже не понимаю.

Алексей. Шилов, что продать?..

Шилов. Да ладно, не прикидывайтесь. Что вы всё время прибедняетесь? Ольга, ты при мне эту шкатулку показывала своему дяде, ювелиру. Я же в комнате был, рядом!

Ольга. Ах, это... Так я ему уже всё продала. Брошки, колечки...

Шилов. Ему?! За сколько?..

Ольга. Всё сразу — за тысячу.

Санёк (уважительно). Долларов?

Ольга. Да. Но нам нужно ещё тысячу. Мы всего четыре должны. А теперь валюты ни под какие проценты не взять. Нас из квартиры выселяют...

Алексей. Погоди, не плач, ещё не выселяют.

Шилов. Я не понял: ты ему что именно продала — колечки или шкатулку?

Ольга. Теперь я вспоминаю. Шкатулку я не продавала. Он сказал: «сложите обратно в коробочку», я и сложила.

Шилов. В коробочку.

Ольга. А ты думаешь, шкатулка тоже денег стоит?

Шилов. Не могу понять: вы это всё серьёзно говорите?..

Карл Маркс. Бенвенуто Челлини, тысяча пятисотый — тысяча пятьсот семьдесят первый. Итальянский скульптор и ювелир эпохи Возрождения, представитель буржуазного маньеризма.

Ольга. А почему ты спрашиваешь?

Шилов. Интересный у вас дядя.

Алексей. Мой дядя на земле трудится.

Шилов. Если вы не шутите, то ваш... родственник проворачивает сейчас самую наигнуснейшую аферу. Эта шкатулка, если очень навскидку, тянет тысяч на сто пятьдесят.

Санёк (уважительно). Долларов?

Шилов. Фунтов стерлингов.

Ольга (запинаясь). Сколько же это... если долларов...

Алексей (запинаясь). Порядка двухсот... тысяч.

Ольга. А как же... зачем же он...

Шилов. Куплю-продажу оформляли? Расписывалась ты где-нибудь?

Ольга (мотает головой). Н-нет...

Шилов. Это уже лучше. Если шкатулка ещё при нём, возьмём легко. Санёк! У тебя в кобуре — что?

Санёк (похлопывает по кобуре). Табельный, Макарова.

Шилов. Бежим бегом к дяде этих сумасшедших. Чёрт побери этого дядю!

Ольга. Трамвай идёт!..

Алексей, Ольга, Шилов и Санёк убегают.

Карл Маркс продолжает спокойно пить пиво.

Свет гаснет.

Грохот и звонки удаляющегося трамвая.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Антикварная лавка Цукермана.
Хозяин смахивает пыль с расставленных
на полках товаров.

Роза Моисеевна. Додик, ты пришёл сегодня раньше обычного.

Цукерман. Розочка, ты ведь знаешь, у меня есть дело с этим государственным человеком. Скоро он придёт, и я отдам ему эту злосчастную вещь. Потом он сядет на самолёт и улетит в Лондон.

Роза Моисеевна. Додик, я не позволю тебе обворовывать этих несчастных идиотов. Сейчас придёт милиционер, и он тебя арестует.

Цукерман (роняет предмет, ловит на лету). Ах!..
Разве можно такое говорить!

Роза Моисеевна. А разве можно грабить заплаканную женщину, которая пришла к тебе за помощью? Ты слопал её как серый волк! Додик, ты отправишься в ад, но я с тобой туда не поеду!

Цукерман (испугавшись). Хорошо, хорошо. Я не волк, я не буду её лопать. Я поступлю с ней как честный человек. Она получит свою долю, и это будут очень, очень хорошие деньги. Они как будто совершенно неожиданно свалятся на неё с неба. В конце концов, всю работу делаю я и этот государственный человек. Но её доля будет очень хорошая доля.

Роза Моисеевна. Я хочу, чтобы ты вернул ей эту вещь. Запомни: у тебя от неё будут только одни неприятности.

Цукерман. Но почему, почему!..

Роза Моисеевна. Решай, у тебя есть ещё минута.

Цукерман нервно прохаживается, трёт виски,
что-то бормочет. Начинают бить часы.

Цукерман. Хорошо. Я верну. Пропади всё пропадом...

За последним ударом часов следует
звук дверного колокольчика.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА

В лавку заходит милиционер Санёк.
Подходит к прилавку, отдаёт честь.

Санёк. Гражданин Цукерман Давид Семёнович?

Цукерман. Так точно...

Милиционер долго и пристально смотрит ему в глаза.

Роза Моисеевна. Предупреждала...

Треск мотоцикла, грохот музыки.
Пританцовывая, в лавку заходит Карл Маркс.
У него в руке магнитофон. Убирает громкость,
делает приветственный жест —
рок-н-рольную «козу» — в сторону подсобки.

Роза Моисеевна. Не хватало здесь ещё этого хулигана
от исторического материализма! Убирайся!..

Делает энергичный жест.
Цукерман недоуменно оборачивается:
он слышит жену, но не понимает, с кем она
разговаривает. Карл Маркс выключает звук,
ставит магнитофон, начинает неспешно
разглядывать и ощупывать товары на полках.

Санёк. Гражданка Пчёлкина Ольга Петровна — кем вам
приходится?

Цукерман. Кажется... родственница. Когда-то мы были
близки с её тётушкой, однако не настолько,
чтобы...

Роза Моисеевна. Додик, не болтай лишнего.

Санёк. Когда вы видели её в последний раз?

Цукерман. Даже не помню...

Роза Моисеевна. Говори!

Цукерман. Позавчера.

Санёк. С какой целью она к вам приходила?

Направляет свет лампы на лицо хозяина.

Цукерман. Кажется... показать кое-что.

Санёк (приближает лицо, говорит страшным голосом).
Что именно?

Цукерман (выдохнув и обмякнув). Да-да. Я всё понял.
Сию минуту. (Сползает под прилавок.)

Сняв фуражку, Санёк
перегибается через прилавок,
чтобы не терять хозяина из виду.
Цукерман ставит шкатулку на прилавок.
У него вид провинившегося школьника.
Санёк надевает фуражку,
выравнивает кокарду по ребру ладони.
Прокашливается, берёт шкатулку, прячет в карман.

Санёк. Ну, что же, гражданин Цукерман... Учитывая ваше добровольное признание и помощь следствию... обойдёмся на первый раз без протокола. Честь имею.

Козырнув, Санёк уходит.
Карл Маркс остаётся. Он разглядывает
свой собственный бронзовый бюст.
Роза делает ему энергичный жест — чтобы убирался.

Цукерман (раздвинув занавески, смотрит на улицу). Роза, смотри, — там, на улице!.. Этот милиционер подошёл к Ольге и к её мужу. Они смотрят на меня, они смеются, они машут мне руками!.. (Машинально поднимает руку и опускает.) Но ведь я уже согласился вернуть ей шкатулку, правда?.. Я уже сказал, что верну, — ещё до того, как пришёл этот молодой человек, этот милиционер...

Роза Моисеевна. Ты сказал, Додик. И тебе это зачтётся.

Цукерман (резко поворачивается). Но что я теперь скажу господину Белугину?! Сейчас, сейчас он придёт сюда, этот государственный человек, и мне будет нечего ему сказать!..

Слышен звук подъехавшего автомобиля.

Роза Моисеевна (небрежно). Дай ему ту, другую.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Звенит дверной колокольчик, влетает Белугин.

Из носа у него торчит вата, лицо потное, говорит в нос. В левой руке держит кейс, правой на ходу разворачивает бумагу.

Белугин (шлёт пакет бумаги на прилавок). Вот, последние формальности. Давайте, давайте, меня ждёт машина.

Цукерман. Куда же я её дел...

Белугин (хватает Цукермана через прилавок за грудки, дышит ему в лицо). Вы сошли с ума?

Цукерман (вырываеться). Ладно... погодите... сейчас. Разве можно пить коньяк с утра, перед таким делом?.. Погодите. Такую вещь нельзя бросать где попало. Я спрятал так, чтобы ни одна сволочь... Присядьте, присядьте, вы что-то неважно выглядите. Наверное, скучали что-нибудь за завтраком?..

Белугин. Да... я присяду... Но только на минуту!

Садится под стеллажами,
кладёт кейс на колени, утирает лицо платком.
У него над головой — бронзовый бюст Карла Маркса.
Сам основоположник тоже стоит рядом.

Цукерман (выносит и подаёт шкатулку). Вот, держите.

Белугин, бегло осмотрев шкатулку,
запирает её в кейс.

Белугин. Знаете что, Давид Семёнович... Я много думал и пришёл к выводу... Что нам необходимо пересмотреть условия нашего контракта. Согласитесь, мой риск и моя работа неизмеримо больше. Вы, всего-навсего, обворовали свою родственницу, а это — не работа. Да-да, мне всё известно. Вы совершили уголовно наказуемое деяние, и скажите спасибо, что я не требую от вас денег за моё молчание.

Цукерман. Что вы говорите!

Белугин. К тому же, по тем документам, которые вы же сами помогли мне состряпать, шкатулка не представляет никакой художественной ценности.

Цукерман. Как это некстати!

Белугин. Хорошо, так и быть. Если дело выгорит, может рассчитывать на полтора-два процента. Это бизнес, дорогой мой Давид Семёнович, а в бизнесе выживает сильный.

Роза Моисеевна. Слушай, основоположник, хотя ты и дурак, но ты всё-таки еврей. Тресни чем-нибудь по голове этого государственного бандита.

Карл Маркс наклоняет бронзовый бюст, и тот опрокидывается, звучно ударяя по темечку начинавшего подниматься Белугина.

Белугин садится и обвисает, словно тряпочная кукла.

Цукерман хватает бюст, ставит на место, шлёпает Белугина по щекам.

Цукерман. Эй, слушайте... как же это... Роза! я ничего не понимаю! Как он упал?.. Эй! Очнитесь!..

Белугин открывает глаза, смотрит по сторонам.

Белугин. Что это... Мне стало плохо?..

Прижимает к груди дипломат.
С улицы сигналит автомобиль.

Дайте руку... Помогите мне дойти до машины.

Цукерман выводит Белугина из лавки.

Карл Маркс, врубив свою оглушительную музыку, делает в сторону Розы Моисеевны прощальную рокерскую «козу» и тоже выходит.

Роза, передразнивая,
делает ему вслед такой же жест.
Слышно как трогается автомобиль,
с треском уезжает мотоцикл.
Возвращается Цукерман.

Роза Моисеевна. Он уехал?

Цукерман. Он вернётся.

Роза Моисеевна. Там у него будут большие неприятности.

Цукерман. Но потом, когда он приедет, неприятности будут у меня, здесь.

Роза Моисеевна. Он ничего тебе не сделает.

Цукерман. Господи, от кого я это слышу!.. Кто это ещё вчера запугал меня чуть-чуть не до разрыва сердца?

Роза Моисеевна. Если даже когда-нибудь его встретишь, он сделает вид, что незнаком с тобой.

Цукерман. Правда?.. Розочка, ты меня успокоила. Но эти молодые люди, которых я хотел обмануть, они ведь ненавидят меня!

Роза Моисеевна. Они всё простили.

Цукерман. Знаешь, Розочка, я так устал сегодня...
Можно я закрою лавку?

Роза Моисеевна. Правильно, Додик. Тебе необходимо успокоить нервы и подкрепиться. Поезжай сначала на кладбище, посиди на лавочке возле могилы и послушай голоса птиц. А потом победай в хорошем ресторане. Не скучись на вино и чаевые. Потом прогуляйся по набережной, потом ложись и хорошенко выспись. Уверяю, на другой день ты проснёшься совершенно другим человеком.

Цукерман достаёт связку ключей,
затворяет дверь в подсобку.

Теперь из зала виден портрет его супруги
в траурной рамке.

Цукерман (обращаясь к портрету). Розочка, я именно так и сделаю.

Целует портрет, медленно выходит,
гасит за собой свет.

ШЕСТАЯ СЦЕНА (ЭПИЛОГ)

Один за другим выходят, произносят свои монологи
и остаются в затемнении действующие лица.

Первые четверо выходят из правой кулисы,
остальные — из левой.

Алексей. Не волнуйтесь, это уже эпилог. У нас всё сложилось хорошо. Как говорят в сказках, мы жили долго и счастливо. А шкатулка... она оказалась не настоящей. Поразительно ловко сработанная когда-то в Германии копия. В своё время там были великие мастера морочить головы...

Ольга. Правда, у нас всё замечательно. Наш кредитор...
(Смотрит на Алексея.)

Алексей. «Монолит-Гарант».

Ольга. Он лопнул. Тогда же, на третий день, когда наступил последний срок.

Алексей. Как мыльный пузырь.

Ольга. Сбежал с деньгами. Он теперь в розыске, а нам не пришлось возвращать последнюю часть кредита. Зато, при участии Давида Семёновича, моего дяди, мы купили новую мебель.

Санёк. Через год я получил повышение.

Шилов (выглядит респектабельно). Я вовремя завязал. Теперь многие из вас меня знают. У меня есть имя и персональные выставки. Был момент, когда я отточил своё мастерство до полного совершенства. Но теперь, когда всё есть... потерялось что-то главное... Со временем думаю перебраться в Штаты. Американцы глупы, им легче задурить головы.

Белугин (у него мятый портфель и мятое лицо). С этой шкатулкой у меня были крупные неприятности. Меня спасли связи и депутатская неприкословленность. Но я выкрутись, а через некоторое время даже восстановился на государственной службе. Я отвечаю за состояние ваших дворов и подъездов. Полагаю, вы всем довольны.

Мила Истомина (белое лицо, в трауре). Я хотела мужа бедного, но честного. По любви. Но опять вышла замуж за богатого и нечестного. По расчёту. И его тоже убили. И так четыре раза. Или уже пять... Я пристрастилась к кокainу.

Под руку выходят Цукерман
и Роза Моисеевна.

Цукерман. Когда прошло ёщё лет пятнадцать или двадцать, я наконец воссоединился со своей любимой женой Розочкой. Мы очень, очень хорошо устроились. Так хорошо, что лучше и не бывает. Поверьте, это такое место...

Роза Моисеевна. Додик, не болтай лишнего.

Цукерман. Хорошо.

Освещаются все действующие лица.
Запоздало раздаётся треск мотоцикла
и музыка «Роммштайн». Треск мотоцикла стихает.
Карл Маркс, двигаясь под музыку,
встаёт рядом с Розой Моисеевной,
левой рукой обнимает её за плечи,
правой посыпает залу приветы.

КОНЕЦ

2001

Связаться с автором:
Борис Карлов karlov@bk.ru